

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЕРДИКТ

2010 #2 (9)

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ФОНДА «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЕРДИКТ»

В ожидании оценки

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ВЕРДИКТ

СОБЫТИЯ

Хроника **3**Вступительное слово директора Фонда «Общественный вердикт» **7**

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Недостижимое общественное мнение **8**

Артем Костюковский

Оценка работы милиции: «эффективность» против профессионализма **11**

Ксения Браиловская

Системы оценки в Англии, Чехии и США **15**

Алексей Титков, Асмик Новикова, Элла Панеях

ЭКСПЕРИМЕНТ

Общественное мнение для оценки работы милиции **19**

РЕФОРМА МИЛИЦИИ

Год преобразований. Промежуточные итоги. Комментарии экспертов **22**

О реформе милиции говорят люди, пережившие пытки и жестокое обращение

Российское общество о реформе милиции **25**

ДЕЛА

Перегнуть палку **31**

Светлана Рейтер, Дмитрий Ткачев

Кафка в петербургском лесу **33**

Тихон Дзядко

«Прокусить линолеум – нереально» **35**

Александр Литой

Явка с повинной закончилась пытками **38**

Александр Шварев

Безответственность за убийство **41**

Полина Никольская

О бедном студенте замолвите слово **43**

Александра Крыленко

Информационно-аналитический бюллетень
Фонда «Общественный вердикт»
Издается с 2004 г.

Подписано к печати **25.11.2010**
Формат **210 X 297**. Печать офсетная
Тираж **999 экзemplяров**.
Отпечатано в типографии
"Петровский парк", **115201 Москва,**
1-й Варшавский проезд, д. 1А, стр. 5
тел./факс: **(495) 641-53-33**

Ответственный редактор: **Асмик Новикова**
Редакционный совет: **Асмик Новикова, Олег Новиков,**
Наталья Таубина

Корректор: **Галина Година**
Авторы: **Ксения Браиловская, Тихон Дзядко,**
Артем Костюковский, Александра Крыленко,
Александр Литой, Полина Никольская, Асмик Новикова,
Элла Панеях, Светлана Рейтер, Наталья Таубина,
Алексей Титков, Дмитрий Ткачев, Илья Шатин,
Александр Шварев
Фотографии: **Дмитрий Борко, Евгения Демина, Карина**
Петрова

Опрос экспертов: **Александр Мнацаканян**
Опрос людей, переживших пытки и жестокое обращение:

Ольга Мирясова

Макет и дизайн: **Сергей Егоров, Марат Зинуллин**

Обложка, верстка: **Андрей Бутов**

Иллюстрации: **Андрей Бутов, Алексей Меринов**

ХРОНИКА

Год реформы МВД: приговоры милиционерам, оправдание граждан, компенсации потерпевшим

Дела Фонда «Общественный вердикт», которые привлекли внимание СМИ и общественности:

Дело **Игоря Величкова** (Челябинская область). Сотрудники милиции с помощью пыток заставили Величкова признаться в преступлении, которого он не совершал. Величков провел в СИЗО несколько лет. Суд оправдал молодого человека «за непричастностью к совершению преступления» (подробнее об истории Величкова читайте в рубрике «Дела»).

Дело **Андрея Кругляка, Анатолия Суворцева и Дмитрия Дмитриева** (Приморский край). Из-за халатности руководства воинской части двое солдат-срочников погибли, один солдат стал инвалидом. Представитель родителей солдат при содействии Фонда добился присуждения компенсации морального вреда в размере 4 млн. рублей.

Дело **Святослава Речкалова** (Москва). Речкалов, защищаясь от человека в штатском, использовал газовый баллончик. После этого его избили сотрудники милиции. В результате Речкалов получил сотрясение мозга (подробнее об истории Речкалова читайте в рубрике «Дела»).

Дело **Сергея Удавихина** (Челябинская область). Пятеро сотрудников милиции признаны виновными в превышении должностных полномочий в отношении Сергея Удавихина, местного предпринимателя. В результате избиений милиционеров Удавихин скончался.

Дело **Константина Подъяпольского и Ольги Мазур** (Москва). Суд постановил прекратить дело об административном правонарушении в отношении Константина Подъяпольского и Ольги Мазур. Судья не обнаружила в их действиях правонарушения. Подъяпольский и Мазур были задержаны вечером 31 мая на Триумфальной площади во время акции в поддержку соблюдения властями 31 статьи Конституции. В этот день вся проезжая часть площади была перекрыта, но Подъяпольского и Мазур обвинили в том, что они мешали проезду транспорта.

Дело **Татьяны Петровой** (Новокузнецк). Суд признал виновным прапорщика милиции Владимира Чурилова в превышении должностных полномочий с применением наси-

лия (ст. 286 УК РФ). Суд установил, что Чурилов в сентябре 2008 года избил в милиции жительницу Новокузнецка Татьяну Петрову, которая ранее была незаконно задержана. (О деле Петровой Бюллетень рассказывал в номере 7, 2009 год).

Дело **Вахида Гусейнова** (Московская область). Суд вынес приговор старшему лейтенанту милиции, сотруднику ОВД города Ступино Московской области Елене Медведевой. Суд признал ее виновной в даче заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ) и приговорил к штрафу в 40 тысяч рублей. Медведева являлась свидетелем защиты майора милиции Виталия Бабкина, который обвинялся в избиении бейсбольной битой задержанного Гусейнова. Бабкин был приговорен к шести годам лишения свободы. (О деле Гусейнова Бюллетень рассказывал в номере 8, 2010 год).

Большинство граждан, обращающихся в Фонд, жалуются на незаконные отказы в возбуждении уголовных дел, на неэффективное расследование и неисполнение решений судов

В 2010 году юристы правового отдела Фонда рассмотрели 66 обращений граждан. С начала года Фонд принял в производство и работал по 38 новым делам граждан, чьи права были нарушены сотрудниками правоохранительных органов. Подавляющее большинство дел – это дела о пытках и жестоком обращении. Всего в 2010 году Фонд работал примерно по 100 делам. По принятым к производству делам работают юристы Фонда и привлеченные Фондом адвокаты, представляя интересы пострадавших, оказывая консультационную поддержку и помощь в организации неза-

висимых экспертиз. По этим делам было подготовлено порядка 25 обращений на имя Генерального прокурора России, председателя Следственного комитета и начальника Департамента собственной безопасности МВД. Наиболее частыми нарушениями со стороны следственных органов, выявленными при проведении доследственной проверки, остаются незаконные отказы в возбуждении уголовных дел, неэффективное расследование, неисполнение решений судов, нарушение сроков и порядка рассмотрения жалоб.

Рабочая группа по реформе МВД впервые представила общественности и власти Концепцию реформы милиции

Рабочая группа правозащитных организаций по реформированию МВД

(Рабочая группа НПО по реформе милиции), сокоординатором которой является Фонд «Общественный вердикт», 19 марта представила свою концепцию реформы милиции. Презентация состоялась на совместном заседании Рабочей группы, Комиссии Общественной палаты РФ и Совета при Президенте России по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. В Концепции обосновываются основные принципы реформирования МВД, модель будущей системы, а также представлена «дорожная карта реформы». Особое внимание в документе уделяется взаимодействию милиции и общества, профилактике преступлений, соблюдению сотрудниками милиции прав человека и изменению подходов к оценке эффективности деятельности милицейских подразделений. С текстом Концепции можно ознакомиться на

сайте Фонда по адресу: <http://www.publicverdict.org/topics/reform/8104.html>

Фонд провел семинары для правоприменителей по проблемам исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека

В течение 2010 года «Общественный вердикт» провел серию семинаров в разных российских регионах (Республика Коми, Пермский край, Красноярский край, Санкт-Петербург, Республика Марий Эл). Семинары были посвящены проблемам исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в России. Мероприятия Фонда включали в себя тренинги и презентации результатов проекта, нацеленного, в том числе, на объединение усилий академического сообщества и НПО в работе по со-

действию исполнению постановлений Европейского Суда в России. Материалы проекта размещены в разделе «Россия и Евросуд» на сайте Фонда: <http://www.publicverdict.org/topics/eurocourt/>

В мероприятиях приняли участие представители Следственного комитета, Следственного управления ГУВД краев и областей, городских прокуратур, судьи, адвокаты, уполномоченные по правам человека, представители высшей школы, правозащитники.

В Москве состоялась дискуссия «Общество и правоохрнительная система: попытка диалога в контексте реформ»

В мае «Общественный вердикт» решил организовать и провести открытую дискуссию на темы, связанные с участием общественности в реформировании

государственных институтов. Идея мероприятия была в следующем: рассказать о том, как граждане, общественность начала 90-х участвовали в реформах и как подобное участие складывается сейчас. Основная идея мероприятия и задала главные вопросы для дискуссии. Какие возможности есть у общества для участия в реформе, как это было в 90-х, как это происходит сейчас, что необходимо сделать, чтобы обеспечить участие граждан в процессе реформирования, где и кем формируется повестка реформы – в федеральном центре или в регионах, какова роль СМИ в процессе реформирования и т. д.

Опыт 90-х гг. был представлен непосредственными участниками реформ – истории того времени рассказывал Борис Золотухин, адвокат, общественный деятель, работавший над судебной реформой. Опыт теперешний – участниками текущего момента реформирования.

В ходе дискуссии стало очевидным, что, несмотря на изменения политических практик и идеологий в стране, правозащитники могут и должны быть тем посредником, через которого могут транслироваться ожидания граждан. Подробнее о дискуссии можно прочитать на сайте Фонда по адресу: <http://www.publicverdict.org/topics/news/8305.html>

В регионах России была проведена серия публичных дискуссий, посвященная проблеме оценки деятельности милиции

Проблеме оценки деятельности милиции уделяется значительное внимание в исследовательской и публичной деятельности Фонда «Общественный вердикт». В рамках реформы милиции официально принято решение о необходимости включить общественное мнение в систему оценки. Проблема конкретных технологий, а главное – цели такого новшества, – до конца неясны для внешних наблюдателей.

Весной и летом 2010 года эксперты Фонда провели социально-правовое исследование, главная цель которого заключалась в том, чтобы у самих сотрудников милиции выяснить, что они думают о действующей системе оценки, как видят ее изменение, как воспринимают необходимость изучать и учитывать оценки граждан в своей деятельности. Кроме того, в рамках Рабочей группы по реформе милиции Фонд подготовил несколько экспертиз, на основе которых были разработаны предложения в Концепцию реформирования милиции, а также собственно предложения по изменению системы оценки.

Результаты этой работы обсужда-

лись на серии семинаров и рабочих встреч, которые были организованы и проведены Фондом и его партнерами в регионах. Все мероприятия проходили с участием представителей ГУВД регионов, республиканских МВД. Такие обсуждения прошли в Красноярском крае, Пермском крае, Республиках Коми и Марий Эл, Ростове-на-Дону и др.

Как остановить пытки в российской милиции?

В Независимом пресс-центре накануне Международного дня поддержки жертв пыток Фонд провел пресс-конференцию «Как остановить пытки в российской милиции?». Несмотря на признание со стороны официальных лиц необходимости искоренять практики пыток, пытки и жестокое обращение остаются актуальной проблемой. О возможностях изменения сложившихся практик рассказали журналистам участники пресс-конференции.

Директор Фонда Наталья Таубина представила журналистам результаты изучения обращений граждан в правозащитные организации. Были изучены 156 обоснованных жалоб на пытки в милиции из 27 регионов России. Только

в 8% случаев эксперты признали эффективным официальное расследование сообщений о пытках и жестоком обращении. В остальных случаях принципы эффективного расследования нарушались. В 75% случаев расследование не было тщательным, в 63% – проводилось с необоснованными задержками, в 32% – не было независимым, в 46% – заявитель был ограничен в доступе к расследованию.

Антон Звездкин, юрист Фонда «Общественный вердикт», рассказал, что формальное проведение доследственных проверок, отписки, слабый контроль надзорных инстанций над решениями Следственного комитета, отказы в проведении судебно-медицинской экспертизы, несоблюдение сроков ответов на жалобы граждан – сохраняющиеся проблемы в работе Следственного комитета по делам о пытках. Кроме того, если гражданин обращается с заявлением в прокуратуру о пытках в милиции, нередко оно «притормаживается» в канцелярии, а тем временем возбуждается дело против заявителя по ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении представителя власти). Один и тот же следователь занимается обоими заявлениями и, как правило,

следователь считает верной версию сотрудника милиции, а не пострадавшего гражданина. Это видно и в деле Святослава Речкалова, о котором подробно рассказывается в этом номере Бюллетеня.

«Крайне низкое качество расследования жалоб граждан на пытки укрепляет чувство безнаказанности среди милиционеров и воспроизводит практики пыток и жестокого обращения», – сказала в заключение Наталья Таубина. – Расследованием жалоб на действия сотрудников милиции должно заниматься отдельное подразделение в органах прокуратуры. Функции этого подразделения необходимо ограничить расследованием только должностных преступлений. Кроме того, оценка работы правоохранительных органов должна базироваться не только на количественных показателях, но и на качественных. Еще на этапе обучения милиционеры должны усвоить идею, что они работают не в карательной системе, а занимаются защитой прав граждан. Только в результате комплексного реформирования всей правоохранительной системы можно будет ожидать, что пытки прекратятся».

«Общественный вердикт» на XXIII Московской международной книжной выставке-ярмарке

По приглашению Московского офиса ООН и Совета Европы Фонд «Общественный вердикт» принял участие в XXIII Московской международной книжной выставке-ярмарке.

На специально оборудованном стенде «Права человека» «Общественный вердикт» и Московское представительство Amnesty International представили издания по правоохранительной тематике. Наибольший интерес у посетителей выставки вызвали издания «Общественного вердикта», посвященные реформе МВД, защите прав граждан от несанкционированных законом действий правоохранительных органов, методикам и специфике расследования следственными органами сообщений о пытках, а также психологической помощи гражданам, пережившим пытки и жестокое обращение. На стенде был также представлен Информационно-аналитический бюллетень Фонда «Общественный вердикт», номер журнала, который был посвящен практике исполнения постановления Европейского Суда в нашей стране. Издания распроданы бесплатно.

Российские правозащитники и

милиционеры обменялись опытом с коллегами из Польши и Голландии

В сентябре по инициативе Региональной общественной организации «Человек и закон» состоялась поездка в Польшу и Голландию российских правозащитников и сотрудников милиции. Основная цель поездки – познакомиться с опытом организации полицейской службы в этих странах.

В поездке приняли участие сотруд-

Российские правозащитники на базе польской полиции в г. Легионово

ники Фонда «Общественный вердикт», Пермской городской общественной организации «Центр гражданского образования и прав человека», РОО «Человек и закон», Коми правозащитной комиссии «Мемориал», а также руководящий состав от МВД Пермского края и Республики Марий Эл.

В рамках поездки удалось подробно изучить, как в Польше и Голландии оценивают работу полиции, как готовят кадры и как устроен прием на службу в полицию. Отдельное внимание было уделено тому, как в этих странах полиция информирует граждан о своей роли в обществе. Во время поездки российским милиционерам и правозащитникам удалось посетить Главное управление полиции Варшавы, Центр обучения полицейских в городе Легионово, полицейский участок в городе Лейден (Голландия).

Международное сотрудничество

В конце октября представитель Фонда принял участие во встрече НПО и представителей заявителей с судьями Европейского Суда по правам человека. Во время встречи обсуждались реформа ЕСПЧ, процедура пилотных решений, план действий, разработанный в рамках Интерлакенской конференции¹, исполнение Россией постановлений ЕСПЧ.

В ноябре представитель Фонда принял участие во встрече делегации российских НПО с представителями Европейского парламента и Европейской комиссии в рамках процесса подготовки к очередному раунду консультаций «Россия—ЕС» по правам человека. В рамках встречи Фонд «Общественный вердикт» представил материалы о ходе реформы милиции в России.

10-11 ноября представитель Фонда принял участие в международном семинаре по механизмам подачи жалоб

из мест лишения свободы, организованном Венгерским Хельсинкским комитетом в Будапеште. Ранее эксперты Фонда приняли участие в исследовании, которое стало подготовительным этапом к семинару. В исследовании анализировались механизмы и внутренние и внешние процедуры подачи жалоб из мест заключения.

В Будапеште директор Фонда приняла участие во встрече с новым Специальным докладчиком ООН по пыткам Хуаном Мендесом, который был назначен на эту должность 4 ноября 2010 года. Во время встречи Наталья Таубина рассказала о сохраняющихся практиках пыток в милиции, об отсутствии эффективного расследования и о ходе реформы милиции в России. Таубиной также была высказана надежда, что спецдокладчику ООН по пыткам удастся получить разрешение от России и провести посещение нашей страны в соответствии с регламентом работы спецдокладчика.

¹ 18-19 февраля 2010 года в швейцарском городе Интерлакен прошла конференция Совета Европы «О будущем Европейского Суда по правам человека». Она была организована Швейцарией, председательствующей в Комитете Министров СЕ. Цель конференции – прийти к политическим договоренностям об основных направлениях реформы Европейского Суда в ближайшие годы. Подробнее об Интерлакенской конференции можно прочитать на сайте Фонда по адресу: http://www.publicverdict.org/topics/international_instances/8248.html

Оценка vs. отчетность

Работа милиции находится в центре общественного внимания как минимум последние полтора-два года. Сначала из-за ужасных преступлений, совершенных людьми в погонах, которые повергли общество в шок, затем – из-за старта реформы МВД в нашей стране.

Многие эксперты сходятся во мнении, что одной из ключевых проблем, не позволяющих милиции работать эффективно и без нарушений, является действующая система отчетности, которая, по сути, и является системой оценки работы милиции. От милиционеров требуется обеспечивать определенные количественные показатели в отчетный период любой ценой. Одним из наиболее значимых показателей в системе отчетности является число раскрытых преступлений. Недостижение планки автоматически приводит к отрицательной оценке работы – со всеми вытекающими отсюда последствиями: лишением премии, задержкой в продвижении по служебной лестнице и т. д. В результате в погоне за нужными цифрами нарушается закон, права граждан, что порой приводит к весьма печальным результатам для потерпевших. Фонд «Общественный вердикт» и наши коллеги в разных концах страны неоднократно работали по делам, где потерпевший был подвергнут незаконному насилию, получил увечья именно из-за того, что сотрудники милиции стремились продемонстрировать эффективность своей работы, то есть из-за этой пресловутой «палочной системы».

Министерство внутренних дел, видимо, осознавая несовершенство системы отчетности и необходимость что-то менять, периодически пытается вносить в систему новшества. Так, в 2008 году был

издан приказ министра внутренних дел об оценке. К сожалению, данный приказ носит гриф «Для служебного пользования» и ознакомиться с его текстом полностью для человека не из МВД не представляется возможным. Однако из открытых источников известно, что данным документом предписывается в системе оценки учитывать мнение граждан о работе милиции и проводить на основе тендера вневедомственные замеры общественного мнения. В январе 2010 года был опубликован Приказ № 25, вводящий новую систему оценки и, согласно публичным заявлениям министра внутренних дел, являющийся революцией в системе оценки.

Мы задались целью изучить, что о системе отчетности думают сами милиционеры, как ее оценивают, считают ли необходимым ее менять, насколько последние приказы министра, касающиеся оценки работы милиции, внесли изменения в их практику и в чем тогда эти изменения выражаются. И какие возможные предложения по изменениям уже сформировались в милицейской среде.

Этот номер бюллетеня мы решили посвятить системе оценки деятельности милиции. На страницах выпуска, уважаемые читатели, вы найдете первые результаты проведенного нами исследования, мнения экспертов о системе оценки и о реформе милиции в целом, дайджест социологических опросов о милиции, описание систем оценки в некоторых странах. Наши коллеги из Йошкар-Олы, Перми и Сыктывкара делятся своим опытом проведения общественной оценки деятельности милиции. В ставшем уже традиционным для бюллетеня разделе «Дела» мы рассказываем о тех делах, где мы оказываем

помощь пострадавшим, в которых преступление со стороны милиционеров как раз и было спровоцировано системной отчетностью и необходимостью обеспечить показатели.

Мы очень надеемся, что этот выпуск бюллетеня вместе со многими другими экспертными публикациями даст старт серьезному и качественному обсуждению и – в дальнейшем – разработке новой системы оценки деятельности милиции. Системы, в которой наряду с ведомственной статистикой будут оцениваться и качество работы милиционеров, и уровень защищенности граждан, и уровень общественного доверия к работе милиции, и ряд других показателей, ставших уже нормой в оценке работы полиции во многих странах мира. Работа по этим критериям как раз и позволяет полициям этих стран не только эффективно решать стоящие перед ними задачи, но и развиваться и совершенствоваться.

Наталья Таубина,
директор Фонда «Общественный вердикт»

Недостижимое общественное мнение?

**Артем КОСТЮКОВСКИЙ, «Русский репортер», Москва–Санкт-Петербург,
специально для бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»**

Сегодня в обществе широко обсуждается проект федерального закона «О полиции». Ему посвящены многочисленные публикации в прессе и дискуссии в Интернет-пространстве. Только на официальном сайте оргкомитета по подготовке законопроекта количество комментариев с мнениями и предложениями превысило 20 тысяч².

Многие обратили внимание на 8-й пункт девятой статьи документа, которая гласит: «Мнение граждан о деятельности милиции является одним из основных критериев официальной оценки ее работы». Именно об этом уже давно говорят и именно этого давно ждут политики, правозащитники и даже сами сотрудники милиции. Тем не менее существуют опасения, что дальше деклараций дело не пойдет. Во всяком случае, предшествующие намерения изменить порочную «палочную» систему оценки работы милиции ни к чему не привели.

Споры о том, что следует считать истинными критериями качества работы правоохранительных органов, ведутся довольно давно. Еще с советских времен таким мерилom являлись показатели раскрываемости. На практике этот показатель – самый живучий. На него ориентируются не только у нас в стране, но и в Чехии, США, других странах. Вопрос не в самом показателе, а в том, что еще существует в системе критериев оценки и как эти критерии «работают».

Криминологи всего мира недоумевали по поводу фантастической статистики, согласно которой раскрываемость преступлений в позднем Советском Союзе в среднем составляла около 90%³, – потому что даже в развитых странах, у хорошо работающей полиции, эта цифра едва достигала 40%. В результате «палочной» системы сложилась си-

фото: Дмитрий Борко

Еще с советских времен таким мерилom являлись показатели раскрываемости. На практике этот показатель – самый живучий. На него ориентируются не только у нас в стране, но и в Чехии, США, других странах. Вопрос не в самом показателе, а в том, что еще существует в системе критериев оценки и как эти критерии «работают».

туация с крайне высокой искусственной латентностью преступлений. Массовой нерегистрацией преступлений милиция

убивала сразу двух зайцев: и «повышала» раскрываемость, и «снижала» рост преступности.

² Все комментарии к законопроекту: <http://zakonoproekt2010.ru/comments>

³ <http://www.index.org.ru/journal/18/18-gilinsk.html>

О том, что критерии оценки работы милиционеров должны быть совсем другими, социологи, правозащитники и политики говорят уже давно. В какой-то момент заговорили об этом и в МВД. В 2008 году министр Рашид Нургалиев подписал приказ «О повышении эффективности изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел РФ на основе использования вневедомственных источников социологической информации». Согласно этому приказу Министерству внутренних дел было предписано, начиная с 2008 года, ежегодно заказывать социологам общероссийское исследование эффективности работы правоохранительных органов. В приказе также отмечалось, что исследования должны заказываться независимым институтам. Управление общественных связей административного департамента МВД пояснило, что компания, которая будет проводить соответствующее социологическое исследование, будет выбираться каждый год на тендере, проводимом министерством. Отметим, что этот приказ имеет статус «Для служебного пользования», и мы о нем знаем из комментариев официальных лиц МВД. Тогда правозащитная и криминологическая общественность сочла инициативу Нургалиева важной и прогрессивной, но прошло более двух лет, и ни о каких конкурсах и тендерах так ничего и не было слышно в открытых источниках.

19 января 2010 года Нургалиев вновь решительно объявил войну «валовым показателям» и «палочной» системе, подписав Приказ № 25 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования». В документе, помимо прочего, говорилось: «Для объективности выводов об эффективности деятельности ОВД в систему оценки включаются результаты опросов общественного мнения на основе использования вневедомственных источников социологической информации».

Известие о приказе Нургалиева опять же поначалу многих воодушевило. Однако после ознакомления с документом стало понятно, что пресловутая «палочная» оценка работы органов внутренних дел никуда не делась. В тексте документа присутствовали все те же показатели и индикаторы (решения судов или органов прокуратуры). И снова речь шла о соотношении с показателями за аналогичный период прошлого года. Другими словами, чтобы получить положительную оценку своей работы, подразделениям милиции необходимо привлекать к уголовной или административной ответ-

Дмитрий Медведев, президент России

Вступительное слово на совещании
по вопросам правоохранительной деятельности
23 сентября 2010 года

Цитируется по news.kremlin.ru

«Вообще о регистрации (преступлений – ред.) нужно поговорить, это отдельная тема. Сейчас не будем решать. Есть очень разные идеи, вплоть до того, чтобы вообще передать регистрацию из органов Министерства внутренних дел в систему российской статистики. При том что первичную обработку документа осуществляет, естественно, полиция, милиция, а потом он регистрируется уже в каком-то другом органе, с тем чтобы избавить МВД от этой системы отчётности. Но я тоже не предре- шаю пока окончательного вывода».

ственности не меньше граждан, чем прежде (а желательно, конечно, больше). Что же касается нового принципа оценки работы подразделений милиции – с учетом общественного мнения, – то он существовал и в старом, 650-м приказе, правда тогда говорилось, что этот критерий носит «характер дополнительной информации».

Сегодня милицееское начальство вновь делает заявления о необходимости перемен в этой сфере. «Главным критерием оценки деятельности полиции названо именно мнение обычных людей. Мы полностью уходим от так называемой

мой «палочной системы», когда работа милиции оценивалась по числу раскрытых преступлений», – уверяет в интервью ИТАР-ТАСС замминистра внутренних дел РФ Сергей Булавин, комментируя соответствующее положение в законопроекте «О полиции».

Но социологи далеки от радужных настроений и не очень-то склонны верить этим заверениям. «Авторы законопроекта включили оценку граждан как критерий работы полиции, исходя из нерелексивного подражания «европейскому» опыту, – считает научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) Борис Гладарев. – Использовать в официальной системе оценки работы полиции через систему опросов у нас пока невозможно. Во-первых, потому, что эти оценки, так же как и существующие сейчас «палки», будут фальсифицироваться (уже есть примеры, когда отдельные подразделения просят контрагентов «оценить» их, чтобы продемонстрировать начальству свою эффективность, «просят», понятное дело, на взаимовыгодной основе). Во-вторых, социологические опросы – это уточненная форма плебисцита, или глосования. В стране, где отсутствует институт выборов, говорить об эффективности соцопросов как инструмента обратной связи преждевременно. Отдельный вопрос – готовы ли сами граждане участвовать в таких исследованиях. Пока доверие государственным институтам остается на современном уровне, мне кажется, что обратной связи через опро-

«Главным критерием
оценки деятельности
полиции названо именно
мнение обычных людей.
Мы полностью уходим
от так называемой
«палочной системы»,
когда работа милиции
оценивалась по числу
раскрытых преступлений»
– замминистра
внутренних дел РФ
Сергей Булавин

сы получить не удастся. Будут либо врать, либо отказываться тратить время».

Не верит в искренность намерений законотворцев и известный криминолог, заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета РГПУ им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор Яков Ильич Гилянский. «Норму о том, что оценки граждан станут одними из официальных критериев оценки работы милиции, включили для отвода глаз, благо это общее место при оценке полиции за рубежом. Между тем оценки граждан в официальной системе оценки качества работы милиции использовать, безусловно, нужно. Этому посвящены исследования «чикагской школы» под руководством профессора Скогана, а именно – стратегия community policing. Суть этой стратегии в том, что полиция – сервисная служба, предоставляющая услуги по защите населения. Мы ее сохраним, она нас должна обслуживать, а не пытаться. Ну и понятно, что проводить исследования оценки работы милиции должны только независимые социологические службы. Кстати, когда я руководил сектором девиантности и социального контроля Санкт-Петербургского социологического института РАН, у нас был опыт такого рода работы. Исследование «Население и милиция в большом городе» ежегодно проводилось сотрудниками сектора совместно с петербургским Университетом экономики и финансов, а также с нью-йоркским VERA Institute of Justice с 1999 по 2002 год в Петербурге, Волгограде и Боровичах (Новгородская область). В результате опросов вырисовалась довольно безрадостная картина: многие респонденты заявили, что не доверяют милиции и просто-напросто боятся ее; что, став жертвой преступлений, они не обращаются к стражам порядка,

«Отмена «палочной» системы необходима в первую очередь измученным этой системой сотрудникам милиции, они первыми скажут спасибо»

поскольку те ничего не захотят или не смогут сделать. Однако милицейское начальство, надо сказать, тогда довольно скептически отнеслось к исследованию социологов».

О декларативности положений про-

«Авторы законопроекта включили оценку граждан как критерий работы полиции, исходя из нерелексивного подражания «европейскому» опыту, – считает научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) Борис Гладарев

екта закона говорят и правозащитники. «Законопроект запрещает сотрудникам своего ведомства допускать публичные высказывания и оценки деятельности полиции, в том числе и в СМИ. На практике это означает, что публичность и открытость – это исключительно декларативная норма законопроекта, возможности практического применения которой перечеркиваются запретом, – говорится в заявлении Рабочей группы правозащитных организаций по реформированию МВД. – Кроме того, законодатель полностью обходит стороной вопрос определения системы и методики изучения и учета общественного мнения. Все этого приводит к исключительной декларативности объявленной нормы».

О своем видении проблемы рассказал и один из высокопоставленных сотрудников ГУВД Москвы, пожелавший остаться анонимом. «Отмена «палочной» системы необходима в первую очередь измученным этой системой сотрудникам милиции, они первыми скажут спасибо, – считает он. – О том, что необходимы другие критерии, говорят уже лет 15, но так ничего и не изменилось. А что сегодня? А сегодня самый характерный пример – так называемые приморские партизаны (кстати, обратите внимание, что пресса выбрала слово с явно положительной окраской – не бандиты, не экстремисты, не убийцы, а партизаны). Огромное количество людей в социологических опросах заявило, что сочувствует им, считает, что они правы. Жириновский их открыто поддерживает. Я много общаюсь с людьми из различных сфер, читаю блоги в Интернете, и мне кажется, в каком-то смысле момент упущен – отношение граждан к милиции сегодня настолько негативное, что МВД просто не готово будет принять и обнародовать реальные данные. Но тут надо говорить и о том, что и люди сегодня не готовы реально оценить качество работы органов внутренних дел. Отталкиваясь от какого-то одного частного случая, они будут мазать черной краской уже всех сотрудников милиции».

Между тем реформа МВД и полноценная работа правоохранительных органов невозможны без гражданского контроля, без учета мнения населения. И в этом сходятся все – и политики, и правозащитники, и сами милиционеры. И все понимают, что если нормы законопроекта так и останутся декларациями, это только усугубит и без того тяжелую ситуацию. Поэтому МВД необходимо переступить через собственные опасения, через недовольство «мажущими черной краской» и сделать самый важный шаг.

Оценка работы милиции: «эффективность» против профессионализма

Ксения Браиловская, Москва, эксперт, Фонд «Общественный вердикт»

Одна из самых ярких реакций милиционеров на просьбу прокомментировать текущую систему отчетности и оценки – «ее нужно менять, так как работать согласно существующим требованиям нельзя». Из их интервью складывается ощущение, что эта система создает сильную напряженность внутри милиции.

Напряженность объясняется висящей над милиционерами необходимостью «выполнять план», который формально нигде не указывается, но де-факто существует и должен выполняться. Выполнение этого плана – демонстрация профессионализма и пригодности к службе.

Выполнение этого плана – демонстрация профессионализма и пригодности к службе.

Как правило, план означает, что подразделения милиции должны раскрывать не ниже определенного количества преступлений.

Формируется план благодаря по-

казателям, по которым и оценивается работа милиционеров. Как следует из 25-го приказа МВД, с помощью этих показателей должна измеряться эффективность деятельности милиции по исполнению законодательства Российской Федерации.

Эффективность имеет количественное выражение: чем больше сделано одобряемых действий и чем меньше неодобряемых, тем эффективнее считается работа по выделенным в приказе направлениям. Например, по таким направлениям, как поддержание правопорядка на определенной территории,

Реформа системы оценки деятельности милиции/полиции – проект Фонда «Общественный вердикт»

Асмик Новикова,
Фонд «Общественный вердикт»

На базе Фонда реализуются программы по исследованию современных проблем российских правоохранительных органов. В рамках этих программ проводятся различные исследования, в основном в российских регионах. Основная цель этих исследований – корректно изучить реальность, не привнося в нее своих предположений и стереотипов, и на основе этих исследований разрабатывать подходы к реформированию российских правоохранительных органов.

Проект «Поддержка реформы системы оценки работы милиции в России через исследование, адвокацию и взаимодействие с гражданским обществом» является частью программ по исследованию проблем российской милиции.

Эксперты – как из общественных организаций, так и из различных структур МВД – признают, что одной из основных проблем организации работы российской милиции является существующая система ее оценки. В настоящее время она фактически провоцирует сотрудников милиции на правонарушения и препятствует работе милиции в

соответствии со стандартами правового государства.

В соответствии с современными требованиями к правоохранительным органам важным элементом их работы является возможность общественного участия в ее оценке.

Основная цель проекта – выяснить возможности общественного участия в реформированной системе оценки работы милиции. Для этого в рамках проекта проводится ряд дискуссионных мероприятий, в которых участвуют представители МВД, прокуратуры и других правоохранительных органов, представители общественности, правозащитники, независимые эксперты. На этих дискуссиях мы пытаемся поддерживать и развивать диалог о вариантах изменения системы оценки, ее принципах, значении для общества в целом и милиции в частности. Такой диалог сможет стать хорошим фундаментом для разработки общих решений относительно целей и принципов реформированной системы оценки работы милиции. В рамках дискуссии исследователи проекта представляют на обсуждение аналитические материалы: модели оценки в других странах, обзоры экспертных предложений по реформе оценки работы милиции, результаты исследования, специально проведенного для целей проекта.

Исследование изучает мнения и оценки самих сотрудников милиции, которые выполняют задачи по поддержанию обще-

ственного порядка и противодействию преступности. Основная цель исследования – выяснить у самих милиционеров, как бы они хотели, чтобы выглядела система оценки работы милиции, в какой форме они видят общественное участие в системе оценки. Без такого изучения любые предложения будут неполными, т. к. не будут учитывать мнения людей, «на земле» выполняющих правоохранительные задачи.

Исследование было проведено летом 2010 года в пяти регионах России: в Алтайском, Краснодарском, Красноярском и Пермском краях, в Республике Коми. В рамках исследования были проведены дискуссионные семинары с сотрудниками милиции, а также серии неформализованных интервью с экспертами из числа представителей МВД, судебной системы, прокуратуры, Следственного комитета, аппаратов уполномоченных по правам человека и др. Собранный массив интервью по-своему уникален: около 70 представителей правоохранительной системы рассуждают о проблемах системы оценки, обозначают основные проблемы, иногда предлагают свои решения. Сейчас массив интервью находится в аналитической обработке, в дальнейшем будет подготовлена книга, в которой будут представлены возможные стратегии преобразований системы оценки, учитывающие контексты реальной работы современной милиции в российских регионах.

Сергей Степашин, председатель Счетной палаты

Из выступления на заседании президиума
Ассоциации юристов России

Цитируется по Gudok.ru от 21.01.2010

«Дилемма, как оценивать эффективность работы: по раскрываемости или по такому критерию, как обращение граждан, должна быть очень тщательно рассмотрена. Не надо бояться плохих цифр в статистике. Нужна полная достоверная картина криминогенной обстановки в стране, иначе все меры будут бить мимо цели».

выявление и раскрытие преступлений, соблюдение законности правоохранительной деятельности и пр.

В реальности основными показателями для оценки эффективности является количество раскрытых преступлений. По крайней мере так полагают действующие сотрудники милиции и, исходя из такого понимания, считают своей обязанностью раскрывать определенное количество преступлений каждый месяц.

Каждый милиционер знает свой минимум. Раскрывая меньше, чем обозначенный минимум, сотрудник не выполняет свою часть общей работы и ставит под угрозу выполнение плана работы своего подразделения и подразделения, которое в своей работе зависит от первого. Личная ответственность милиционеров за раскрытие преступлений превращается в ответственность за оценку работы всего подразделения. Поэтому работа милиционера организуется так, чтобы подразделение, в котором он работает, было оценено вышестоящим руководством положительно. Результаты следующие.

Сотрудник милиции не может не раскрывать преступлений, потому что в случае невыполнения плана он подвергается формальным или неформальным санкциям со стороны руководства. В некоторых отделах начальники ставят сотрудникам жесткое условие: либо раскрывать определенное количество преступлений, либо увольняться. Условия работы не позволяют сопротивляться подобным требованиям, несмотря на то что они, по сути, незаконны. Зато существуют различные формы поощрения милиционеров за количество раскрытых преступлений. Например, денежное – выплата дополнительной суммы за набранное количество баллов в месяц, где наибольшее количество баллов дается за выявление и раскрытие преступле-

ний. Таким образом, управление раскрываемостью осуществляется методом «кнута и пряника».

В итоге модель идеальной работы

Чем ближе милиционер к «работе на земле», тем четче выражено желание отказаться от существующей системы оценки. Чем ближе сотрудник МВД к управляющим структурам, тем более эта система для него оправданна.

выглядит так: наиболее легким способом зафиксировать те результаты, которые будут положительно оценены. Поскольку основной результат – количество раскрытых преступлений, способы их раскрытия не важны для оценки эффективности работы. Результаты же наиболее

легко достигаются за счет применения насилия, фальсификации материалов уголовных дел, отказа от регистрации и ведения бесперспективных дел и других грубых правонарушений.

Развиваются способы ухода от отбражения действительных результатов работы. Отчетность подгоняется под ту идеальную картину, которая в данный конкретный момент востребована, что позволяет без последствий отчитаться наверх. В частности, такая идеальная картинка может создаваться за счет «производства» преступлений в случае их недостатка. Причем реального производства, а не только виртуального. Например, в уголовные дела добавляются вымышленные эпизоды или фабрикуются уголовные дела против людей, которые не совершали преступлений.

Получается, что при таком понимании эффективности работы, переложеном в показатели системы оценки, наилучший результат легче всего достигается путем снижения профессиональных стандартов и манипуляции существующей системой отчетности.

Попытка контролировать эти отклонения со стороны вышестоящих органов выливается в ужесточение требований и дополнительный контроль – например, в виде более развернутой, чем официальная, системы показателей, учащения проверок, ужесточения санкций за нарушения.

Такой контроль вызывает еще большую адаптацию работы к демонстрации результатов. Все больше развиваются и совершенствуются способы фальсификации данных и выполнения работы в стиле «ориентация на результат». А это неизбежно влечет за собой еще большее снижение профессиональных стандартов работы.

Таким образом, система управления, в значительной степени смоделированная системой количественных показателей, создает и поддерживает ту атмосферу напряженности, которая призвана обеспечить наилучший результат с точки зрения поставленных задач.

Примечательно, что, при всем недовольстве требованиями раскрываемости, сотрудники милиции не видят вышеописанной картинку. Уже устоявшая-

Отчетность подгоняется под ту идеальную картину, которая может создаваться за счет «производства» преступлений в случае их недостатка. Причем реального производства, а не только виртуального. Например, в уголовные дела добавляются вымышленные эпизоды или фабрикуются уголовные дела против людей, которые не совершали преступлений.

ся критика «палочной системы» возникла практически в каждом интервью с сотрудниками милиции. Однако мнения относительно ее возможного изменения разнообразны и порой противоречивы.

Иногда в рамках одного интервью сотрудники милиции высказывают противоположные суждения: «систему нужно немного изменить», «систему можно отменить и заменить чем-то принципиально новым», «систему обязательно нужно оставить».

Если очень приблизительно обобщить мнения, звучащие в интервью с милиционерами, то вырисовывается следующее: отказ от оценки работы с помощью количественных показателей больше характерен для сотрудников низового уровня – следователей, оперативных работников, участковых и пр. Модификацию оценки скорее поддерживают начальники подразделений. Наибольший смысл в существующей системе оценки видят специалисты главных управлений.

То есть чем ближе милиционер к «работе на земле», тем четче выражено желание отказаться от существующей системы оценки. Чем ближе сотрудник МВД к управляющим структурам, тем более эта система для него оправдана.

Объясняется это тем, что специалисты управляющих структур ориентированы на цели и задачи МВД, отраженные, в том числе, и в 25-м приказе, который устанавливает систему оценки и основные направления деятельности. Рядовые же сотрудники, получая зада-

Рашид Нургалиев, министр внутренних дел

«Российская газета», №5091 (12) от 22 января 2010 г.

«Мы заинтересованы, чтобы наша статистика была объективной. В начале 90-х была поставлена задача уйти от укрытия преступлений, поэтому и расписывали от и до, а это порочная практика: на бумаге мы все маги. Нужны качество и результаты».

чу раскрыть определенное количество преступлений в месяц, ориентированы на конкретную ситуацию на конкретной территории. Очевидно, что между спу-

скаемыми сверху задачами и реальными обстоятельствами их выполнения существует противоречие, сказывающееся как на отношении к задачам, так и на их

Желание – вопреки существующей критике – сохранить систему оценки объясняется страхом потерять пусть и несовершенную, но отработанную систему управления. Эта система возникла в результате реальной практики в отделах, ее не без труда вписали в заданные системой МВД жесткие рамки – показатели, на которые ориентируется вышестоящее руководство.

Принципиальные изменения в работе милиции будут возможны тогда, когда система оценки будет направлена не только и не столько на сомнительный замер эффективности правоприменения, сколько на оценку содержания и качества работы определенного отделения милиции на определенной территории – для тех граждан, которые на этой территории находятся.

выполнении.

Представить же принципиально иную систему оценки не могут ни рядовые сотрудники милиции, ни управленцы. Это и неудивительно, поскольку опыт иных способов оценки, альтернативных количественному измерению результатов работы по выделенным руководством направлениям, попросту отсутствует.

К тому же, если говорить о районных подразделениях милиции, у начальников этих подразделений существуют свои способы оценки сотрудников, которые позволяют и регулировать их нагрузку, и выполнять план в целом. Это симбиоз оценки текущей ситуации на территории и в отделе и необходимости

поддерживать определенный уровень раскрываемости для отчетности.

Эти способы оценки работы сотрудников – важная часть методов управления в отделах милиции. Поэтому желание – вопреки существующей критике – сохранить систему оценки объясняется страхом потерять пусть и несовершенную, но отработанную систему управления. Эта система возникла в результате реальной практики в отделах, ее не без труда вписали в заданные системой МВД жесткие рамки – показатели, на которые ориентируется вышестоящее руководство.

Таким образом, нежелание радикально менять систему оценки возникает

из-за опасения потерять управляемость внутри отделов милиции. Это опасение плохо осознается и редко проговаривается. Но страх из-за возможного непредсказуемого изменения формата работы – очевиден.

Другой, уже четко проговариваемый, страх милиционеров – оценка их работы со стороны граждан. Он возник как реакция на введение в системе МВД опросов общественного мнения как источника оценки работы милиции. Такую реакцию можно понять, если учитывать картину общества, которая вырисовывается перед милиционерами. Бывшие заключенные, алкоголики, наркоманы, «неадекватные граждане» и пр. – именно такие люди в основном оказываются в зоне работы по раскрытию преступлений, которая сейчас и характеризует работу милиции. Милиционеры считают, что в результате опроса таких людей оценка работы милиции будет искаженной.

Правда, есть и другая не заслуживающая доверия категория граждан – условная «баба Маня», то есть плохо образованный, с ограниченным кругозором человек. Ее мнение, опасаются милиционеры, также не может быть адекватным показателем для оценки работы милиции.

Если оценка работы будет основываться на идее подотчетности гражданам территории, которую милиция обслуживает, прежде всего необходимо будет сделать две вещи: изменить формат и оформление результатов общения с гражданами и реорганизовать управление внутри отделов. Но если при этом

параллельно работу отделов будут оценивать вышестоящие органы – в том же объеме, по тем же критериям, на основе количественного измерения тех же показателей – эти изменения ни к чему не приведут.

Принципиальные изменения в работе милиции будут возможны тогда, когда система оценки будет направлена не только и не столько на сомнительный замер эффективности правоприменения, сколько на оценку содержания и качества работы определенного отделения милиции на определенной территории – для тех граждан, которые на этой территории находятся.

И еще один страх – необъективность оценки в том случае, если экспертизу работы проводят люди не из системы МВД, которые не понимают всей специфики, – может быть преодолен, если будут применяться различные способы оценки, как ведомственной, так и внешней.

Система, построенная на применении различных алгоритмов, в которых задействованы внутренние и внешние эксперты, и учитывающая мнение граждан, позволит сделать оценку работы милиции более глубокой и отражающей действительность, а также снизить риск манипуляции ее результатами.

Такая система неизбежно повлечет изменения в стиле и практиках управ-

Рашид Нурғалиев, министр внутренних дел

О переаттестации сотрудников милиции после принятия закона «О полиции», выступление на церемонии принятия присяги курсантами Московского университета МВД

Цитируется по gzt.ru от 09.10.2010

«Мы ожидаем, что переаттестация даст нам возможность мотивировать личный состав к изучению и правильному применению принципов партнерской модели взаимоотношений полиции и граждан».

ления внутри милиции. Ее следует продумывать, но ориентируясь как на новые принципы, так и исходя из оценки сложившихся способов работы.

Поэтому при разработке принципиально новых подходов к оценке нужно понимать и учитывать те практики управления и взаимодействия, которые уже существуют в отделах и подразделениях милиции, непосредственно работаю-

щих с гражданами. И некоторые из этих практик неизбежно придется изменить при введении новой системы оценки, поскольку во многом они возникли как ответ на требования существующей.

В ином случае реформирование как системы оценки, так и милиции в целом останется еще одной попыткой реорганизации, неудовлетворительной ни для граждан, ни для сотрудников милиции.

Система оценки в Англии и Уэльсе

Алексей Титков,
Высшая школа экономики (Москва)

Полиция Англии и Уэльса состоит из 43 территориальных полицейских служб, каждая из которых считается автономным государственным агентством, подчиненным министру внутренних дел. Район действия каждой полицейской службы совпадает с единицами административного деления (графство, крупный город) или объединяет две соседние единицы. Оперативное управление в них осуществляет главный констебль, назначаемый министром внутренних дел. В его подчинении находятся базовые командные единицы («райотделы») во главе с главными суперинтендантами и местные полицейские части («участки»), отвечающие за порядок в городском квартале или сельской коммуне.

Похожим образом устроена полиция в других частях Соединенного Королевства (Шотландия, Северная Ирландия) и в странах Содружества (Австралия, Индия, Канада, Новая Зеландия и др.).

Правила оценки работы полиции в Англии реформируются уже больше четверти века. Начальным толчком для изменений послужила серия коррупционных скандалов в полиции в конце 1970-х годов и беспорядки в английских городах в начале 1980-х годов.

Английские политики, как правило, не искали специального решения именно для проблем полиции, а применяли к ним – с поправкой на особенности полицейской деятельности – общие подходы, призванные улучшить работу всех государственных служб.

Консерваторы в 1980-е и 1990-е годы исходили из представления о государственных институтах как своего рода корпорациях, оказывающих гражданам определенный набор услуг. Они делали ставку прежде всего на внедрение в государственные институты элементов стратегического бизнес-управления (new public management), таких как среднесрочное планирование и бюджеты, ориентированные на результаты. Лейбористы конца 1990-х – 2000-х годов первоочередными мерами считали децентрализацию, местное самоуправление и участие граждан.

Планирование и оценка работы изначально были привязаны к уровню территориальных полицейских служб (графств, городов). В течение 2000-х годов они были распространены на низовые уровни, вплоть до местных коммун и обслуживающих их местных полицейских частей.

Самые общие приоритеты работы полиции задаются правительством, которое закрепляет свои главные цели и задачи во всех областях политики в «соглашениях о государственных услугах» (public service agreements). Приоритеты регионального уровня, согласованные с правительством,

закрепляются в территориальных соглашениях (local area agreements). Совместные цели и задачи работы полиции и местного сообщества вырабатываются в рамках **региональных партнерств по предотвращению преступлений** (Crime and Disorder Reduction Partnership), в которых представлены полицейские, депутаты, медики, учителя, социальные службы, бизнес и третий сектор. На уровне страны в целом аналогичную роль выполняют межведомственные Национальный совет по сокращению преступности (National Crime Reduction Board) и Национальный совет по работе полиции (National Policing Board), работу которых координирует Министерство внутренних дел.

Необходимая мера единообразия в работе полиции по всей стране задается Министерством внутренних дел. Министерство определяет обязательный набор задач, которые должна выполнять каждая территориальная полицейская служба, и соответствующий минимальный («защищенный») бюджет, которые местные сообщества обязаны выделять на обеспечение безопасности и содержание полиции. Министерство также разрабатывает общие методики планирования, оценки и отчетности.

Непосредственные планы работы территориальных полицейских служб разрабатывают их руководители – главные констебли, а утверждают **полицейские комитеты** (policy authorities) – коллегиальные органы, состоящие частично из депутатов муниципального

совета, частично из независимых членов, отбираемых по принципу профессиональной компетентности, а также мировых судей (магистрантов).

Планы работы полицейских служб включают в себя обязательства полиции перед жителями (policing pledge), сведения о состоянии преступности на территории и мерах, которые полиция намерена предпринять для повышения уровня безопасности. Обязательства полиции описывают стандарты услуг, на которые могут рассчитывать обратившиеся в полицию. Стандарты эти, по возможности, выражаются в точных количественных показателях, например: «Мы ставим перед собой цель являться на место чрезвычайных происшествий в течение 6 минут, на место не чрезвычайных происшествий – в течение 12 минут»; «Отвечать на 99% звонков, касающихся не чрезвычайных происшествий, в течение 20 секунд»; «По возможности, мы предоставим вам индивидуальный номер при вашем обращении к нам».

Контроль за работой полицейских служб осуществляют **Королевская полицейская инспекция** (Her Majesty's Inspectorate of Constabulary), подчиняющаяся министру внутренних дел, и **Аудиторская комиссия** – неправительственный орган, по своим задачам напоминающий счетные палаты в других странах. Первая из них проверяет выполнение профессиональных задач, вторая – экономическую, финансовую составляющую работы. Полицейская инспекция и Аудиторская комиссия проводят инспекционные проверки совместно и также вместе участвуют в планировании и оценке работы полиции. Выводы Полицейской инспекции отражаются в регулярно обновляемых «Полицейских отчетах» (Policy Report Card) по территориям, в которых в наглядном, понятном для рядовых граждан виде отражается, насколько на территории действия каждой службы обеспечена безопасность, насколько велики расходы на полицию для налогоплательщиков этого региона, насколько успешно работает местная полиция и как можно улучшить ее работу.

Проверкой жалоб на работу полиции занимается независимая комиссия (Independent Police Complaints Commission), имеющая статус уполномоченного неправительственного органа.

Единая система оценки работы полиции и оценки безопасности местных сообществ разрабатывается специализированным отделом Министерства внутренних дел. Набор индикаторов, по которым производится оценка, включает в себя, прежде всего, статистические показатели уровня безопасности и преступности (по видам: тяжкие преступления против личности, преступления против собственности, дорожно-транспортные происшествия, домашнее насилие и др.) и опросные показатели ощущения безопасности и удовлетворенности жителей работой полиции. Показателей, отражающих активность полиции (например, общее время, затраченное на патрулирование), сравнительно немного. Значительная часть опросных

показателей определяется по результатам ежегодного Британского опроса о преступности (British Crime Survey). Индикаторы собираются в единую централизованную базу данных iQuanta, позволяющую проводить сравнительный анализ всех подразделений.

Показатели работы и результаты проверок поступают в **Группу управления эффективностью работы полиции** (Police Performance Steering Group), включающую в себя представителей МВД, Полицейской инспекции, Аудиторской комиссии, Казначейства. Работу группы организует Полицейская инспекция, ее задача – выработать согласованные оценки и рекомендации, которые будут представлены министру внутренних дел, Национальному совету по сокращению преступности (NCRB), региональным партнерствам по сокращению преступлений и беспорядков (CDRP), всем заинтересованным структурам, которые на основе этих данных принимают необходимые меры. К примеру, территориальные полицейские службы, работа которых признана неудовлетворительной, могут быть переданы под прямое управление министра внутренних дел.

Отличительной чертой английской системы служит участие в ней профессиональных объединений с признанным государством статусом: Ассоциации полицейских комитетов, Ассоциации старших офицеров полиции, Ассоциации суперинтендантов полиции. Представители всех этих организаций также входят в Группу управления эффективностью работы полиции. Одним из значимых новшеств, предложенных профессиональными ассоциациями, стало создание Национального агентства по улучшению качества полицейских услуг (National Policing Improvement Policy) – специального фонда, отвечающего за информационную и методическую поддержку территориальных полицейских служб, распространение лучшего опыта, профессиональную переподготовку.

Британцы по-прежнему считают систему планирования и оценки работы полиции недостаточно отлаженной. Ближайшая задача полицейской реформы – «распутать» эту систему, сделать ее более простой и прозрачной. Ключевая роль в определении будущего полиции остается за демократическими механизмами – дебатами в парламенте и СМИ, парламентскими комиссиями, конкурентной предвыборных программ на выборах. Без них английский опыт работать не будет.

Модели управления и оценки работы полиции в США

Элла Панеях,
Европейский университет
в Санкт-Петербурге (ЕУСПБ)

Устройство полиции в США характерно тем, что там вообще нет некой единой полиции: каждая административная единица, то есть каждое территориальное образование, обладающее выборным самоуправлением, имеет или может иметь свое полицейское управление. Основная нагрузка ложится на

полиции базовых административных единиц – муниципалитетов и графств. В совсем небольшом городе или деревне это могут быть всего два человека, в типичном случае – двадцать-тридцать. Крупнейшие полицейские управления имеются в больших городах: полиция Нью-Йорка, самая большая в США, состоит из 120 участков и обладает численностью около 40 тыс. человек. Управление шерифа Лос-Анджелеса – 17 тыс. чел.

Существуют два разных вида подотчетности полиции. В первом случае полиция формируется выборным органом самоуправления, он же принимает решения о ее численности и структуре. Шеф полиции назначается местным советом, административно подчиняется мэру и отчетывается за свою работу перед местным советом. Во втором случае шериф выбирается общим голосованием – по той же процедуре, что и мэр и члены городского совета, – и все полицейское управление он формирует на свое усмотрение. В этом случае выборный шериф несет ответственность за работу своего управления перед избирателями, а сотрудники управления формально считаются его личными представителями, которым он делегировал свои полномочия (шериф вообще может в любой момент делегировать полномочия «помощника шерифа» любому гражданину, которого он привлек для выполнения полицейских функций, временно или постоянно). Достаточно часто в крупном муниципалитете существует и полиция, подчиненная местной администрации, и шериф. Решения о разграничении их полномочий принимает местный совет, и конфигурация может быть самая разная. Так, например, в Нью-Йорке офис шерифа занят, в основном, регистрацией и выдачей документов, а основную нагрузку по правоохране несет полицейское управление (NYPD), а в Лос-Анджелесе подавляющую часть полицейской работы выполняет управление шерифа.

Полиции существуют и у штатов. Полиция штата занимается охраной государственных объектов (например, резиденции губернатора), регулированием движения на фривейях – крупных дорогах, принадлежащих штату и федерации, содержит полицейскую академию для тех местных полиций, у которых нет своих академий из-за их малого размера. Полиция штата имеет право принимать под свою команду местные полиция только в случае чрезвычайного положения – например, стихийного бедствия. В общем случае они полиции штата не подчиняются.

Существует множество федеральных «силовых» ведомств, таких, например, как Федеральное бюро расследований. Их численность относительно невелика по сравнению с общей численностью местных полиций, а полномочия не пересекаются.

Персонал полиции состоит из «sworn officers» – полицейских, принявших присягу и обладающих полномочиями на применение силы и связанными с этим обязательствами, – и штатского вспомогательного персонала. В типичном случае основные подразделения в рамках полицейского управления – это дорожная полиция (traffic police), патруль

(patrole) и отдел расследования преступлений (детективы). Обычно, перед тем как приступить к присяге, сотрудник полиции проходит полугодовую стажировку.

Методическую помощь местным полициям оказывает как полиция штата, так и независимое агентство при Министерстве юстиции. Кроме того, существует весьма влиятельный Союз руководителей полиции, объединяющий высших офицеров крупных полиций страны (т. е. полиций крупных муниципальных образований, в первую очередь) – общественная организация, занятая, в числе прочего, разработкой методик для работы, оценки персонала, оценки деятельности полиции и т. д. Все эти методики носят, естественно, рекомендательный характер. Окончательные решения о структуре, методах работы, методах оценки деятельности и прочих аспектах работы принимаются на местах.

Как правило, это основные традиционные показатели эффективности работы полиции, в том числе и раскрываемость, а также разнообразные замеры общественного мнения и исследования «аудитории» – жителей муниципального образования, которое обслуживает полиция и на обеспечении которого находится.

Одна из наиболее комплексных систем оценки на уровне местной полиции небольшого муниципального подразделения разработана PERF (Police Executive Research Forum, профессиональной ассоциацией руководителей крупнейших полицейских подразделений в США) в 1999 году. Она основана на трехступенчатом процессе.

На первом этапе внешние исследователи проводят исследование ожиданий публики: чего хочет от полиции население конкретно этого округа? Это делается при помощи интервью, анализа документов и т. д. В результате получается система качественных критериев, «завязанных» на ожидания местного населения.

На втором этапе исследователями в сотрудничестве с полицией графства разрабатывается система формальных показателей, привязанная к ожиданиям, которые в дальнейшем используются для практической оценки деятельности полиции. В числе возможных показателей:

- результаты регулярного опроса населения о нарушениях порядка, которые произошли на глазах респондентов за последний год;
- анонимный опрос населения о нарушениях, совершенных самим респондентом (self-report survey);
- опрос владельцев бизнеса о том, какие проблемы безопасности волнуют их больше всего;
- «традиционные» показатели, имеющие отношение к поставленным целям;
- счетные показатели благополучия в сообществе (количество резидентов, находящихся под условным сроком или освобожденных условно-досрочно, доля молодежной преступности в общей массе преступлений, количество автокатастроф, частота возникновения «пробок»).

Интересно, что измеряются и объективные показатели, и воспринимаемое состояние дел (т. е. недостаточно, чтобы объективно функции полиции выполнялись хорошо; нужно еще, чтобы публика чувствовала себя в безопасности). Поэтому при помощи опросов замеряются и такие вещи, как «страх перед преступностью» и «восприятие, насколько хорошо полиция справляется с регулированием дорожного движения в данном районе».

Отдельно от воспринимаемой безопасности опросами напрямую замеряется удовлетворенность населения работой полиции и доверие к ней. Объективным (не опросным) показателем доверия может считаться, например, готовность свидетелей сотрудничать с полицией. Такая готовность оценивается на основе данных о количестве зафиксированных отказов от дачи показаний или количестве приглашений провести презентацию в школе, университете или комьюнити-центре. На третьем этапе, после тестирования новой системы оценки, предлагаются организационные изменения с целью создать «accountability structures» – систему обратной связи, привязывающую стимулы сотрудников всех уровней к выбранным показателям.

Таким образом, эта система оценки основана на логике: изучив потребности и ожидания местного сообщества, перевести эти потребности и ожидания в систему критериев, которые «отзеркаливали» бы структуру ожиданий жителей комьюнити, а далее – привязать системы внутреннего управления в полиции к этим же показателям за счет разработки системы мотивации для сотрудников полиции.

Реформа полиции в Чешской республике

В Чехии – две относительно независимые друг от друга полиции. Полиция республиканская – полиция Чехии, которая выстроена по вертикальному принципу. У республиканской полиции есть центральный аппарат, в который входит Президиум – разветвленная система управлений и подразделений, федеральные центры – по аналогии с экспертными центрами МВД в России. Полицию Чехии возглавляет президент, который назначается президентом страны, а кандидатура предлагается министром внутренних дел. Тем самым президент полиции находится в относительной независимости от МВД. В целом полиция Чехии имеет достаточную автономию, отделена от прямого руководства МВД республикой. Финансируется полиция Чехии из республиканского бюджета.

Местные полиции – это структуры местных органов власти, которые создаются в городах и областях Чехии. Местные полиции были созданы в 1992 году, во многом их создание было развитием идей десоветизации. Ставилась задача децентрализовать силовые органы, с тем чтобы преодолеть советские традиции политического режима. Местные полиции возглавляются заместителями мэров или губернаторов и финансируются из местных бюджетов.

Местные полиции и республиканская полиция работают на основе разных законодательных баз. Функции полиции различаются. Республиканская полиция занята расследованием преступлений, контролем за оружием, архивами и пр. Местные полиции – охраной общественного порядка и административными правонарушениями.

И республиканская и местная полиции отвечают за безопасность дорожного движения, поэтому чаще всего они взаимодействуют именно в области организации и контроля за ситуацией на дорогах. Еще один повод для взаимодействия – контроль за преступностью, расследование преступлений. Если совершается преступление, местная полиция устанавливает факт, квалифицирует преступление как выходящее за пределы ее компетенции и передает сведения республиканской полиции. Далее расследование проводится республиканской полицией.

Как правило, в одном городе или области две полиции: местная полиция и краевое подразделение республиканской. Для организации работы двух полиций принимается договор о сотрудничестве.

С 2008 года отсчитывают новый этап реформы полиции. Сейчас эта реформа происходит в контексте реформы государственной службы. Цель реформы – как полиции, так и государственной службы – повысить качество работы государственных служб, либерализовать системы управления.

Повышение эффективности работы государственных служб достигается, по мысли реформаторов в Чехии, через управление качеством. Закономерно, что, понимая таким образом задачу, в реформах в Чехии используют опробованные модели управления качеством. Поэтому основу реформы госслужбы составляет введение стандартов менеджмента качества, рекомендованных ЕС, основанных на модели EFQM⁴.

Новые стандарты менеджмента подчинены задаче оптимизировать деятельность государственных служб на местном уровне и сформировать ответственность подразделений данного уровня за планирование деятельности и определение приоритетов.

В рамках реформы госслужбы были выделены восемь основных критериев для

⁴ Европейский Фонд менеджмента качества (EFQM) – некоммерческая организация, созданная в 1987 году четырьмя ведущими европейскими компаниями (Bosh, BT, Bull, Ciba-Geigy, Dassault, Electrolux, Fiat, KLM, Nestle, Olivetti, Philips, Renault, Sulzer, Volkswagen) при поддержке Комиссии ЕС. Целью его образования было содействие повышению конкурентоспособности европейской экономики путем распространения новых подходов к менеджменту, создание стимулов к обучению его основам и возможностей признавать успехи в этой области. Полиция нескольких стран активно использует данную систему для преобразования системы оценки своей деятельности (Шотландия – с 2008 года, Польша, Венгрия, страны Балтии – с 2009).

Сайт организации: <http://www.efqm.org/en/Default.aspx>; сайт российского партнера: <http://www.efqm-rus.ru/>

оценки менеджмента качества в соответствии с моделью EFQM, и эти критерии были конкретизированы для оценки работы полиции. Эта работа была проделана Отделом развития качества труда в Канцелярии Президиума полиции Чехии по поручению МВД, которое осуществляло непосредственное руководство проектом на первых стадиях.

Ниже представлены критерии, которые используются для оценки работы полиции:

1. Ориентация на результаты труда (раскрываемость преступлений, качество профилактики противоправных действий, обеспечение безопасности).

2. Клиентцентрированная деятельность (согласование приоритетов деятельности полиции с приоритетами граждан, выявление приоритетов граждан и формирование их гражданской позиции в отношении проблем безопасности).

3. Целецентрированная деятельность, удержание задач деятельности (оптимизация работы с пострадавшими, оптимизация взаимодействия с другими службами в достижении лучших целей безопасности и правопорядка).

4. Менеджмент на основе мониторинга процесса и фактов (планирование деятельности на основе динамики криминальной активности и изменения ее структуры).

5. Вовлечение сотрудников (обеспечение профессионального роста и системы ротации, обеспечивающей карьерный рост).

6. Обучение и повышение профессиональной компетенции (развитие программ внутреннего обучения, повышение требований к качеству образования персонала).

7. Развитие сотрудничества (самооценка и формирование запроса на сотрудничество как источник компенсации недостающих ресурсов, ориентация на потребности клиента, а не на потребности службы).

8. Социально ответственный менеджмент (программы развития персонала, поддержка мотивации персонала и т. д.).

Модель EFQM предполагает операционализацию критериев относительно специфики той или иной сферы деятельности. На основе такой операционализации разрабатывается ряд методик: интервью с персоналом полиции, программы самооценки, кейс-стади.

Например, такой критерий, как «ориентация на результаты труда», включал показатели, которые относились:

- к способности оценивать риски ситуации на разных стадиях работы полицейского и выстраивать приоритеты своей деятельности с учетом рисков как для себя, так и для окружающих (коллег, граждан);
- опыт разрешения ситуаций с высоким уровнем риска и оценка этого опыта самими сотрудниками;
- возможности и ограничения в решении ситуаций с высоким риском.

В рамках данного критерия также оценивалась способность полицейских определить меру своей ответственности в нестандартной ситуации и выстроить свою деятельность в соответствии с этой мерой ответственности.

Соответственно, и методики оценки включали глубинные интервью и кейс-стади для выявления представлений служащих полиции. Апробация методик проводилась сотрудниками подразделения управления персоналом МВД, которые прошли специальное обучение в Нидерландах. Оценка проводилась во всех краевых подразделениях полиции Чехии.

Каждый из выше перечисленных восьми критериев для оценки полиции был операционализирован аналогичным образом. Там, где было возможно, оценка работы подразделения полиции дополнялась сбором оценки со стороны людей, обращающихся в полицию. С 2004 года в подразделениях краевой полиции начинают открываться специальные службы сбора обратной связи – сотрудниками таких служб становятся гражданские лица, независимые от полиции, которые собирают анкеты и обрабатывают их содержание, после чего регулярно представляют результаты исследования руководителю краевой службы и другим сотрудникам.

Предложенная модель встраивала задачу оценки деятельности полиции в комплекс таких задач, как внедрение необходимых инноваций (в сфере профилактики противоправных действий, усиления прозрачности деятельности полиции и т. д.) и обеспечение гибкого подхода к планированию развития полиции.

Важное уточнение: введение новой системы оценки понимается не только как новый способ более корректно оценивать работу полиции, а в первую очередь как своего рода механизм, обеспечивающий сфокусированное и эффективное реформирование. Это получается за счет того, что с помощью такой системы оценки выявляются проблемные области в функционировании полиции и далее реформаторские усилия целенаправленно концентрируются именно на решении этих проблем. Тем самым система оценки является основным инструментом изменения практики.

Еще одним способом оценки качества работы полиции является механизм проверок. Этот механизм работает в первую очередь в отношении краевых подразделений республиканской полиции. Проверки проводятся Президиумом полиции вместе с МВД и офисом уполномоченного по правам человека. Результаты проверки публикуются.

Системы оценки – как основанные на моделях управления качеством, так и более традиционные, подразумевающие проверки вышестоящих инстанций своих подразделений на местах, – основаны на следующей идее: оценка строится по общим показателям, а сами критерии «вырастают» из специфики и приоритетов конкретной территории.

Например, краевое подразделение разрабатывает план деятельности на будущий период. Разрабатывая этот план, полиция анализирует динамику преступности, ее структуру, соответствие приоритетов работы полиции ожиданиям жителей и пр. Представляя его для утверждения в центральный аппарат, краевое подразделение аргумен-

тирует свой план результатами предыдущих проверок, опросами общественного мнения и пр. и обосновывает необходимость тех или иных программ, которые планирует осуществлять в дальнейшем. Когда наступает очередная проверка, то она оценивает, насколько краевое подразделение эффективно справилось с теми задачами, которые, в сущности, само себе поставило по результатам деятельности за предыдущий период.

Именно поэтому в разных городах и областях Чехии могут сильно различаться конкретные показатели качества, в соответствии с которыми оценивается их работа. Таким образом, система оценки построена по принципу стандартных общих критериев, которые наполняются очень конкретными для каждой территории «показателями успеха».

Среди этих показателей есть и традиционные, такие как раскрываемость преступлений. Но раскрываемость оценивается, по логике этой системы, не сама по себе, а в контексте той конкретной ситуации, которая складывается на определенной территории. Сам контекст, в том числе криминогенный, анализируется не только силами краевой полиции, но и силами местных администраций и привлекаемых научных центров. Тем самым междисциплинарный подход как идеология работы чешской полиции реализуется и в процессе оценки работы полиции.

Справка подготовлена Асмик Новиковой на основе обзора Виктории Шмидт, эксперта проекта Фонда «Общественный вердикт» «Поддержка реформы системы оценки работы милиции в России через исследование, адвокатию и взаимодействие с гражданским обществом».

ЭКСПЕРИМЕНТ

Общественное мнение для оценки работы милиции

Общественное мнение как источник оценки работы милиции – идея не новая, и не впервые опробованная на практике. Ранее, в Ленинградской области, в Нижегородской области и др. местные органы милиции совместно с независимыми социологическими центрами, а также с неправительственными организациями, разрабатывали и проводили исследования общественного мнения, результаты которых использовались в оценке эффективности работы милиции.

В этом году, одновременно в трех регионах – Пермском крае, Республиках Коми и Марий Эл, – был проведен опрос, цель которого была изучить общественное мнение и использовать результаты опроса для оценки работы местных милицеейских подразделений.

Об опыте организации и проведения такого исследования, а также работе с этими данными вместе с ГУВД и республиканскими МВД, рассказывают организаторы – лидеры правозащитных организаций.

Участие НПО в формировании общественного запроса на «полицейский сервис»

Андрей СУСЛОВ, Пермский центр гражданского образования и прав человека (г. Пермь)

С тезисом о том, что полиция (милиция) должна служить народу, не могут не соглашаться, хотя бы отчасти, сотрудники милиции. Или, по крайней мере, декларативно: риторика официального МВД в последние годы опирается именно на идею службы гражданам. Если это так, то можно поставить вопрос о формах, в которых граждане могут предъявить запрос на «услуги» полиции.

Консьюмеристский подход здесь вполне уместен. Естественно, что получатель услуг полиции не может заказать их точно таким образом, как товар или бытовую услугу. Однако совершенно неприемлема ситуация, когда услугу заказывает не потребитель, а производитель. Заметим, что ситуация, когда милицеейское ведомство само себе определяет заказ, выполняет его и само оценивает качество выполнения, деформирует и систему государственного управления.

Простого ответа на вопрос об общественном запросе на «полицейский сервис», как и на многие другие сложные вопросы, не существует. Одно очевидно: в какой-то форме необходимо учитывать общественное мнение. Опросов общественного мнения о работе милиции проводилось и проводится немало, в том числе органами внутренних дел. Иной вопрос – что именно они дают и для чего их использовать. Не будем останавливаться на проблематике инструментария проводимых опросов. Например, на том, что опросы только в формулировках «доверяю – не доверяю» мало что дают.

Три партнерских общественные организации – «Центр гражданского образования и прав человека» (г. Пермь), «Коми правозащитная комиссия «Мемориал» (г. Сыктывкар) и «Человек и Закон» (г. Йошкар-Ола) – решили провести опрос, который в дальнейшем мог бы стать основой для постоянного

мониторинга изменений общественного запроса к работе милиции. Опрос был сосредоточен на изучении общественного мнения о работе милиции и ее структурных подразделений (сотрудников дежурных частей, участковых, ПДН, ППС, ГИБДД, оперативных сотрудников, следователей и дознавателей). В каждом регионе было опрошено 1000 жителей, которые отвечали на достаточно детализированные вопросы (в анкете 59 вопросов).

Этап полевых исследований на сегодняшний день завершен. Сейчас идет обработка данных.

В республике Коми уже состоялось обсуждение предварительных итогов.

После обработки материалов будет представлена картина, с известной степенью приближения отражающая мнение людей о работе названных подразделений милиции; будут сформулированы рекомендации по улучшению работы этих подразделений.

Эти выводы и рекомендации будут обсуждаться с руководителями МВД трех регионов, станут достоянием общенациональности.

Для нас это один из инструментов формирования общественного запроса, который НПО могут использовать в своей деятельности.

Для правозащитных НПО, в отличие от сугубо исследовательских организаций, мало получить более-менее объективную картину действитель-

ности. Для нас важно составить основанные на фактах рекомендации, достаточно убедительные для принятия решений по изменению ситуации. Эти рекомендации, по существу, и являются сформулированным общественным запросом.

Рекомендации желательно предъявить таким образом, чтобы лицам, принимающим решения, было сложно оставить без внимания наши предложения. Как правило, это связано с

публичностью предъявления результата – например, в ходе общественных слушаний и т. п.

В нашем случае итоги опроса должны быть представлены как в дискуссии с руководителями МВД, так и в публичном пространстве. Это делает результаты опроса предметом более широкой общественной дискуссии, которая, в свою очередь, внесет коррективы и в сам общественный запрос.

Общественное мнение о милиции в Республике Марий Эл

Сергей ПОДУЗОВ, «Человек и Закон», Республика Марий Эл

В первой половине 2010 года наша организация - РОО «Человек и закон» - провела опрос среди жителей Республики Марий Эл. Нас интересовало общественное мнение, сложившееся в республике, по отношению к сотрудникам милиции, к работе республиканской милиции. Этот опрос мы проводили в рамках проекта «Милиция России: от силы к службе», главная цель которого инициировать переход милиции к новой концепции работы на местах.

Сама идея провести опрос граждан не новая. В нашей организации мы уже в течение четырех лет, с 2007 года, каждый год мы проводим опросы жителей. Обобщенные результаты, как правило, мы передаем руководству регионального МВД вместе с рекомендациями, которые, как нам кажется, наиболее отвечают практике и способны – при их воплощении – изменить ситуацию.

Например, в 2008 году мы проводили узкий специализированный опрос, который был нацелен на оценку работы только сотрудников дежурных частей. В этом году мы провели уже более масштабный опрос, анкета содержала более 50 вопросов. Хотелось бы отметить, что наши опросы – это не опросы, которые проводят профессиональные социологические центры, где изучение самого мнения является конечной целью. Мы используем тот же метод, но наша цель – использовать метод опроса граждан как инструмент работы правозащитной НПО, для нас такой опрос – часть деятельности правозащитной организации.

Как нам кажется, с полученными данными МВД может начинать работать. В текущем году мы опросили порядка 600 человек в Марий Эл – не только в Йошкар-Оле, но и в самых отдаленных от столицы районах. Самым сложным было обобщить результаты и, конечно, сам

полевой этап – проведение собственно опроса населения. За предыдущие три года сотрудники нашей организации уже получили определенные навыки общения с людьми, но раньше анкета у нас была проще, содержала меньше вопросов и не требовала серьезной подготовки от наших интервьюеров.

На заседании Общественного совета при МВД Республики Марий Эл (7 октября 2010 г.) планировалось мое выступление, и я думал о том, что может измениться, если я представлю результаты опроса. Так как мы каждый год проводим опросы, то было бы любопытно оценить, имеется ли динамика и если да, то какова она. Результаты последнего исследования были неожиданными как для нас, так и для республиканского МВД.

Поэтому сравнительную динамику, как мне казалось, нужно было озвучить на этом заседании Общественного совета. Были еще причины, почему это имело смысл делать. Первая и основная причина – продемонстрировать, что опросы нужно проводить не для того, чтобы легитимировать те или иные конъюнктурные задачи (например, для отчета, что взаимодействие с НПО ведется), а в первую очередь – для более серьезных, внутрисистемных, изменений. Вторая причина – начать диалог и искать ответ на вопрос: что необходимо изменить в работе милиции, чтобы оценки граждан изменились в лучшую сторону? И третья причина, конечно, – более детально посмотреть, где имеются изменения, и каковы они.

Проанализировав данные, полученные в 2010 году, можно сделать вывод, что ситуация совсем не такая, какой она кажется милиции. Данные показывают, что в 2010 году 47,2% жителей республики выносили свое мнение о работе милиции на основании личного опыта

взаимодействия с сотрудниками милиции. При этом в милиции сохраняется мнение, что граждане судят о работе милиции по сообщениям из СМИ и, соответственно, СМИ виноваты в кризисе доверия.

Представив полученные результаты на заседании Общественного совета, мы договорились о необходимости провести повторную встречу, на которой попытаться найти решения на основе полученных результатов. Пока же у нас складывается впечатление, что сегодня МВД действительно заинтересовано в помощи неправительственных организаций, в том числе и по проведению опросов населения. НПО в нашей республике доверяют гораздо больше, чем милиции, и люди охотнее идут на контакт и охотнее говорят то, что они на самом деле думают. Однако существуют сложности, связанные с тем, что МВД не всегда знает, что делать с результатами опросов общественного мнения. Безусловно, за ними должны стоять управленческие решения, которые будут приняты руководством министерства. Но пока в МВД не отработаны навыки работы с результатами опросов, неправительственные организации могут помочь – показать, что можно сделать с полученными данными, для того чтобы ситуация стала меняться. На данный момент наша организация договорилась с республиканским МВД о том, что будет проводиться совместная акция, посвященная службе участковых уполномоченных. Эта служба была выбрана потому, что значительная часть результатов проведенного исследования иллюстрирует работу именно этой службы.

Результаты исследования 2010 года будут в скором времени опубликованы на сайте по адресу <http://manandlaw.info/>

Общественное мнение о милиции в Республике Коми

Как проводилось исследование отношения жителей республики к милиции

Игорь САЖИН, Коми правозащитная комиссия «Мемориал» (Сыктывкар, Республика Коми)

Опрос жителей проводился в четырех районах республики. Основная задача исследования – выяснить отношение жителей к милиции, получить оценки гражданами того, как различные подразделения милиции осуществляют свою деятельность.

Анкета была подготовлена экспертами организаций «Человек и закон» (г. Йошкар-Ола) и «Центр гражданского образования» (г. Пермь). Мы передали анкету в МВД Коми, для того чтобы они могли высказать свои пожелания к анкете, включить какие-то вопросы, ответы на которые МВД хотело бы получить. Для этого была собрана рабочая группа общественников и представителей МВД региона. От МВД были получены два вопроса для анкеты. Оба вопроса касались источников информации о милиции, на основе которой граждане выносят свои оценки. Предложения республиканского МВД были одобрены экспертами.

На очередном рабочем совещании была разработана технология самого опроса. Было решено проводить опрос платно, т. е. выплачивать гонорар интервьюеру за каждую опрошенную анкету. Интервьюерами стали активисты как из самого Сыктывкара, так и из других городов и местечек республики. Это позволило нам создать сеть интервьюеров, которые могли провести опросы в разных населенных пунктах республики.

Рабочей группой были определены квоты выборочной совокупности, в соответствии с которыми планировалось провести опрос.

Для активистов, которые решили участвовать в опросе в качестве интервьюеров, был проведен инструктаж по анкете. Нам удалось подгадать так, чтобы поставить инструктаж в график работы Правозащитной коалиции Республики Коми. Эта коалиция объединяет неправительственные организации республики и собирается на периодической основе в Сыктывкаре. Таким образом, нам удалось собрать всех интервьюеров вместе и провести обучение по процедуре опроса анкеты.

Мы сделали тираж в 300 анкет, для того чтобы провести пилотный опрос и выяснить, будут ли какие-то проблемы у интервьюеров. В результате пилотажа анкеты выяснилось, что существуют несколько проблем, из-за которых прове-

дение опроса может быть в серьезной степени затруднено.

Во-первых, скорость интервьюирования была очень низкой. Это было связано с тем, что сама анкета – достаточно большая, в ней много открытых вопросов. Во-вторых, некоторые вопросы анкеты были сформулированы так, что оказались неразличимыми для респондентов. Вопросы отличались только в нюансах, что по ходу интервью раздражало респондентов. В некоторых случаях люди отказывались от дальнейшего участия в опросе.

В-третьих, большая часть интервьюеров отказалась проводить опрос за предложенный размер оплаты в сочетании с такой сложностью интервьюирования.

Подобные же жалобы были получены от интервьюеров из других районов республики. Общее мнение – опрос проводить сложно.

В результате после месяца работы выяснилось, что всего опрошено 200 респондентов.

Мы решили разработать новую тактику проведения опроса. Выяснилось, что схожие проблемы возникли и в других регионах, где проводился опрос, в частности, в Йошкар-Оле. Сообща было принято решение, что необходимо повысить стоимость опроса (одной анкеты) и отказаться от интервьюирования. Вместо интервьюирования, т. е. когда респонденту зачитываются вопросы анкеты и варианты ответов, было принято решение использовать процедуру анкетирования. Анкетирование предполагает, что анкета передается респонденту для самостоятельного заполнения. Для этого координатору и участникам из других регионов было предложено усилить контроль за собранными анкетами, подробно их вычитывать и проверять на достоверность. Была набрана новая группа активистов и проведен инструктаж о том, как организовать анкетирование и обеспечить его качество.

Нам удалось повысить скорость проведения исследования. Каждую неделю проводился промежуточный контроль качества и хода анкетирования.

Постепенно стали приходиться заполненные анкеты из районов республики. Выяснилось, что в двух районах так и не смогли провести анкетирование – в Троицко-Печорске и Ижме. Количество анкет из Удорского района было очень

небольшим. В результате была повышена квота в Сыктывкаре. В ходе анкетирования на вопросы анкеты в общей сложности ответили 1001 человек, из них 53 человека отвечали в селе Вильгорт, 50 человек – в поселке Нижний Одес, 18 человек – в Удорском районе, 880 – в Сыктывкаре.

Сразу после окончания опроса было проведено собрание координаторов, на котором были обсуждены результаты. Выяснилось, что в ходе анкетирования много анкет отбраковывалось, поскольку респонденты не отвечали на большое число вопросов. Мы раздали 1300 анкеты и собрали 1001 анкету, что более чем достаточно для аналитической обработки.

Сама обработка была сделана в Exell, предварительно был создан системный файл, куда активисты вносили ответы респондентов по каждой анкете. В электронном массиве была сохранена анонимность респондентов. За эту работу – по созданию электронной базы опроса – мы также выплатили небольшой гонорар каждому оператору.

Мы смогли сделать только первичный анализ анкет, в котором были обработаны только статистические ответы на вопросы, – «да» и «нет». В результате была подготовлена предварительная записка.

Сразу же после подготовки записки была собрана рабочая группа с участием работников МВД Коми, представителей Общественного совета и правозащитников. Рабочей группе были представлены предварительные выводы опроса, его результаты и аналитическая записка. По просьбе МВД мы передали им электронный архив опроса, чтобы они могли самостоятельно проанализировать данные. Рабочая группа работала в закрытом режиме, и в СМИ сами результаты не передавались.

Анализ ответов на открытые вопросы оказался очень сложным, и от его обработки отказались многие из волонтеров. Анализ этих ответов ведется до сих пор и, видимо, будет закончен в ближайшее время. После этого будет проведена совместная с МВД республики пресс-конференция и предложены те или иные решения основных проблем.

Год преобразований. Промежуточные итоги

Комментарии экспертов

Борис Золотухин, адвокат:

«Я полагаю, что милиция в нынешнем ее состоянии нереформируема, поскольку создана в полном соответствии с тем типом государства, который у нас существует. Кроме того, поручение ведомству реформировать само себя – дело абсолютно безнадежное, и историей это уже давно доказано. Поэтому никакие «главные события» – ни три, ни восемь или десять – к реальному реформированию милиции никакого отношения не имеют».

Ашот Насибов, журналист:

«Я считаю важным сам факт того, что признана необходимость реформы

милиции. Существующая сегодня милиция создавалась в другом государстве, при другом общественном строе, под другие задачи и несет в себе помимо собственно функции охраны общественного порядка многочисленные избыточные функции.

Но реформа милиции должна стать началом, составной частью более широкой реформы правоохранительной системы. Без масштабной общей реформы любые перемены в милиции будут половинчатыми. Нельзя ставить на машину одну гоночную шину и оставлять остальные рваными.

Но степень участия общественности в обсуждении реформы я считаю явно недостаточной. Причин к тому две. Одна – отсутствие действительно ши-

рокого интереса разных слоёв общества к теме по причине общей аполитичности и безразличия. А другая – крайне малое число действительно независимых экспертов, способных непредвзято осветить проблему в целом».

Илья Пономарев, депутат Государственной Думы от партии «Справедливая Россия»:

«Прежде всего, это сам факт объявления о реформе с переименованием, что тоже отражает общественные настроения. Второе и третье события – это волна негатива, которая, как я думаю, кем-то подогревалась, и сохранение Рашида Нургалиева в каче-

О реформе милиции говорят люди, пережившие пытки и жестокое обращение

Александр Смирнов:

«Реформа милиции – это специальную шумиху поднимают, пыль в глаза пускают, чтобы отвлечь от реального решения проблем. Я вот наблюдаю за нашей милицией: совсем они не боятся сокращения штатов. Начиная от идеи переименования... у нас еще живы люди, которые помнят войну, реально зверства же тогда творили, как теперь будет называться День милиции – День полиция? Люди не сильно задумываются о содержании закона о полиции, я почитал и был в шоке. Такой закон не может быть принят так скоропечно, он касается всех граждан, но Медведев сразу сказал, что будет общественное обсуждение, но закон вступит в силу 1 января 2011 года. Я читал много мнений юристов, почти со всеми согласен. Даются милиции огромные полномочия, действие сотрудника может быть отменено только либо его непосредственным начальником, либо судом. Действия любого другого человека будут считаться противодействием. И проникновение в жилище теперь возможно любым способом. Закон – фикция, гнев перенесли на переименование. Нет сомнения, что закон

будет принят – возможно, с минимальными правками. И страшно подумать, что нас теперь ждет. Как в моем случае: милиционер 10 раз меняет показания – и хоть бы что».

В мае 2009 Александр Смирнов возвращался со встречи выпускников Рязанского радиотехнического университета, его остановили сотрудники милиции. Милиционеры избили молодого человека и отобрали личные вещи. В настоящий момент уголовное дело в отношении милиционеров приостановлено. Дело Александра Семенова находится в совместном производстве Фонда и Рязанского общества «Мемориал».

Эдуард Омельченко:

«Никаких изменений милиции не вижу в положительную сторону. Милиция сейчас не выполняет тех действий, которые выполняла при Рушайло. Не могу сказать, что тогда милиция была идеальная, но сейчас она не выполняет даже этого. Могут подходить к гражданам, деньги вымогать, придираются. Это все для показухи написано. Сами журналисты говорят, что никаких изменений в милиции не происходит в сторону улучшения. Необходимы действия определенных лиц, которые хотели бы защищать население,

а они заинтересованы только в том, чтобы народ ходил на работу и с работы. А если люди выходят с протестами, то посылают за ними автобусы с решетками, забирают. Вот на Тверском бульваре – ходят, ловят, чтобы деньги получить. Даже Астахов сказал, что у нас издевательством над людьми занимается милиция, и они перестают быть людьми».

В апреле 2006 года Эдуард Омельченко был задержан в супермаркете охранником магазина якобы за то, что он пытался выйти с неоплаченными продуктами. Был вызван наряд милиции, который доставил Омельченко в ОВД. Милиционеры избили Омельченко до бессознательного состояния, и его пришлось срочно госпитализировать. И против Омельченко было возбуждено уголовное дело по обвинению в покушении на грабеж. В сентябре 2010 года суд вынес постановление, в котором потребовал взыскать за незаконное уголовное преследование Омельченко с Министрства финансов РФ мизерную сумму в 3 тысячи рублей. Дело Эдуарда Омельченко находится в производстве Фонда.

Михаил Масальгин:

«Ничего особенного с милицией за прошедший год не произошло. Из СМИ я слы-

стве министра. Они, похоже, отражают расклад сил по этому ключевому вопросу в Администрации Президента и в правительстве, то есть фактически в тандеме. И именно по этим событиям можно судить, будут ли какие-либо перемены или нет. Видно, что Администрация жаждет некоторых перемен, а премьерская сторона их опасается».

Алексей Меринов, художник:

«Из последних событий я отмечу повышение в должности и награждение следователей, которые убивали Магнитского. Если откручивать назад, то вторым событием я бы назвал поведение всенародно любимого «жемчужного прапорщика». И, наконец, история с тем, как МВД «расследовало» дело об аварии на Ленинском проспекте с участием начальника «Лукойла».

Я понимаю, что у Медведева благие намерения: его, наверное, достало каждый день узнавать, что преступление совершено либо сотрудниками милиции, либо с их помощью. Ну, хорошо, таких сотрудников не 90 процентов, а 50. Предположим, их можно выгнать. И кто придет на их место? Такие же точно. Потому что откуда взять честных и неподкупных полицейских? Какая страна, какая планета нам их предоставит? Кроме того, я боюсь, что в первую очередь будут выгонять тех, кто не вписывается в нынешнюю систему, – честных и профессиональных сотрудников.

И вся реформа выльется в пустую трату денег, в большой-пребольшой мыльный пузырь».

Михаил Пашкин, председатель Координационного совета профсоюза милиции Москвы:

«Если по-честному, за год в этой сфере не произошло никаких важных событий. Вернее, они важные только в отрицательном смысле. Сотрудникам запретили публично критиковать своих руководителей – это раз. Два – это то, что сотрудникам за невыполнение законного приказа теперь грозит срок от полугода до 5 лет. А начальник за

отдание незаконного приказа никакой ответственности не несет. Возникло это после того, как в Калининграде и Владивостоке ОМОН отказался разгонять митинги. И третье – что до сих пор нет закона и даже проекта о социальных гарантиях сотрудникам милиции, хотя говорят об этом много. В конце концов, сейчас сократили личный состав на 20 процентов. Но почему на тот же процент не повысили денежное довольствие? И о сокращении не могу не сказать: наряду с явными алкоголиками под него попали наиболее независимые, наиболее активные сотрудники, которые неудобны начальству своей честной, принципиальной позицией».

шал, что увольняют хороших сотрудников милиции, вместо того чтобы оборотней в погону. А так, по-прежнему наблюдаю, как забирают за банку пива, гаишники по-прежнему стоят в кустах, прячутся, ставят сами знаки, чтобы останавливать».

Более двух лет назад Михаил Масальгин был избит сотрудниками милиции во дворе собственного дома. После этого его доставили в ОВД, где повторно избили и подвергли пыткам – подвешивали за руки в наручниках. В возбуждении уголовного дела против милиционеров прокуратура пострадавшему с завидным постоянством отказывает. Дело Михаила Масальгина находится в производстве Фонда.

Владимир Караванский:

«Реформа милиции необходима, нужно разрешить горизонтальные связи между милицией, прокуратурой и судом. Сейчас это монолит, эти три ведомства срослись в преступную группировку. За последний год ничего не изменилось, ничего значимого в реформировании не произошло».

В марте 2007 года в подмосковной Балашихе скончался брат Владимира Караван-

ского Евгений. Участковый уполномоченный не уведомил об этом родственников, а при оформлении документов о смерти были допущены сразу несколько ошибок – в фамилии и дате смерти. Владимир Караванский до сих пор не может добиться от правоохранительных органов достоверной информации о дате и причине смерти брата и месте его захоронения. Дело Владимира Караванского находится в производстве Фонда.

Константин Подъяпольский:

«Никакой реформы я не заметил. Я слушаю обсуждения реформы по радио, но никаких перемен в жизни не вижу. С помощью «Общественного вердикта» мне удалось доказать, что я 31-го мая ничего не нарушал, вот это хорошо. Но тогда милиция была «подставлена» своим руководством, которое подготовило ей одинаковые протоколы. Вот недавно меня оставили сотрудники ДПС за превышение скорости, я попросил одного представиться, а он машет рукой, говорит, идите на пост ДПС, там и представятся, и протокол оформят. Я спросил потом оформлявшего мой протокол гаишника: «Что же ваши сотрудники закон нарушают?» А он мне говорит: «Это не мой сотрудник». Сейчас рядовые милиционеры стали больше опасать-

ся ответственности, так как появились технические средства, с помощью которых можно уличить работника правоохранительных органов в нарушении. Этого они стали опасаться в какой-то мере. А на уровне администрирования или по сути ничего не изменилось. Могу отметить, что хотя бы становится не хуже. До последнего времени с каждым годом ситуация с милицией ухудшалась, как снежный ком».

В декабре 2009 года Константин Подъяпольский и его жена Ольга Мазур были незаконно задержаны и избиты сотрудниками ФСО за то, что Мазур вела видеосъемку акции протеста обманутых дольщиков около Госдумы РФ. Когда Подъяпольский, увидев, что его жене заламывают руки и пытаются отобрать камеру, стал заступаться, его также начали избивать. Уголовное дело в отношении сотрудников ФСО прекращено, а их действия признаны законными. Дело Константина Подъяпольского находится в производстве Фонда.

Валентин Гефтер, директор Института прав человека:

«Первое – это факт общественной дискуссии вокруг вывешенного в Интернете законопроекта, что само по себе очень важно. Второе – это отсутствие реформы как комплексного процесса. Третье – отсутствие в поле обсуждения очень важных элементов реформы. Такие немаловажные элементы, как материальное обеспечение сотрудников МВД и сокращение штатов, высвечены. Много обсуждалось мелочей: название службы, проблема вытрезвителей, лицензирование автотранспорта. А некоторые проблемы вообще выпали из обсуждения. Например, идея принципиального разделения МВД на федеральную полицию и региональную милицию. Сюда же примыкает вопрос о финансировании милиции из регионального или федерального бюджета. Не освещался и вопрос ограничения функций милиции, то есть чем она не должна заниматься. Причем никто не запрещал все это обсуждать – видимо, сработали какие-то внутренние табу. В частности, по этим причинам реформу нельзя воспринимать как цельную и комплексную».

Евгения Чирикова, лидер движения "Экологическая оборона Московской области":

«Я буду говорить о событиях, которые за последний год коснулись меня лично. В конце июля на наш лагерь экологов в Химках напали нацисты. Мы вызвали милицию, которая стала разбираться не с теми людьми, что нам угрожали, а собственно с нами. В августе меня захватывал Центр «Э», и я поразилась, насколько они нерационально расходуют силы. И было очень смешно, когда на Пречистенке меня одну забирали группа крупных мужчин, приехавшая аж на двух автобусах. И задерживали они меня со столь серьезным видом, как будто я как минимум увешанный оружием Бен Ладен. Но со мной бы и парочка справилась, потому что я не очень большая тетенька, да и вешу не очень много. И третье впечатление – когда на судах после абсолютно незаконных задержаний сотрудники милиции откровенно лжесвидетельствовали. И это все – под разговоры о реформе МВД. Вообще, система, наверное, может поддаться реформированию – если проводить глубокие изменения с целью улучшить милицию. Но я не вижу даже потуг это сделать. Мы ведь подали жалобы и заявления на действия милиции – все безрезультатно. И чего после этого хотеть от реформы?»

Дмитрий Быков, писатель:

«Никаких особенных событий я не увидел. Была показательная расправа с Евсюковым, которая ни одной проблемы не сняла. Поскольку это произошло только в одном случае – майора взяли. А сколько еще таких случаев осталось? Я что-то слышал о якобы широком общественном обсуждении закона в Интернете. Странно, но меня это не коснулось никак».

Александр Назаров, член Красноярского краевого Комитета по защите прав человека:

«Первым я бы назвал то, что законопроект опубликовали в Интернете. Не в печатном органе, а в пространстве, где возможно обсуждение. Это была оригинальная идея. Второе – это то, что президент объявил, что милиция будет исключительно федеральной структурой, с соответствующим финансированием. В этом есть свои плюсы и минусы, но это один из шагов в сторону реформирования. И третье – ряд громких дел с участием сотрудников милиции: то же дело Евсюкова или история о событиях в томском вытрезвителе. То есть дела, по которым в отношении сотрудников милиции были приняты довольно жесткие меры».

Михаил Федотов, председатель Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека:

«Вообще, эта тема для меня довольно болезненная, поскольку я сам 40 лет назад пришел работать в милицию, в газету «На боевом посту». Мне приходилось писать про работу следователей, оперативников, пожарных, и я хорошо знаю, как работала тогдашняя милиция. И то, что я вижу сегодня – когда я месяцами не могу дозвониться до своего участкового; когда, как мне рассказывали, надо давать взятку не только за то, чтобы прекратить уголовное дело, но и за то, чтобы его возбудить – это положение меня крайне удручает. Поэтому самым важным событием я бы назвал сам факт появления президентского законопроекта».

Второе – внесение проекта в Государственную Думу с учетом прошедшего обсуждения. Документ был вывешен в Интернете, шло общественное обсуждение. И третье – та слабость, пассивность и неэффективность общественной дискуссии, которые я наблюдал. Это обсуждение, по сути, свелось к двум категориям. В одном случае это были мелкие, почти редакционные по-

правки, которые легко учитывались и принимались. А другие, концептуальные поправки, которые меняли суть, естественно, не учитывались, поскольку их было невозможно интегрировать в закон. Наш Совет при Президенте также представил свои поправки, но они не подходили ни под одну из категорий. Они касались расширения возможностей общественного контроля за работой полиции, и они были частично учтены. Но вообще, на мой взгляд, следовало бы пойти по другому пути: дать поручение нескольким группам специалистов представить альтернативные законопроекты».

Олег Смолин, депутат Государственной Думы от КПРФ

«Первое по времени событие – личное. Год назад на мою служебную машину было совершено нападение, у меня отобрали портфель с документами. Милиция искала – никаких следов не нашла. Второе событие – это активно проходившее обсуждение проблем милиции, которое было инициировано с подачи майора Дымовского и некоторых других сотрудников правоохранительных органов. И третье – это публичное обсуждение законопроекта, в результате которого менты превратятся в полицаев. Эти два последних сюжета вызвали наибольший общественный резонанс и, может быть, будут иметь самые большие последствия».

Вообще же от реформы милиции я жду примерно того же, чего и от модернизации России. И то и другое представляет собой выставочный вариант. То есть сменяется внешняя форма, вывески, названия – а содержание меняется по минимуму. Либо оно меняется только в каком-то отдельно взятом месте, которое можно представлять напоказ – как символ победы реформ. И никаких радикальных перемен в лучшую сторону я не жду».

Беседовал Александр Мнацаканян

Российское общество о реформе милиции

Дайджест результатов общероссийских опросов

В течение года, с момента объявления реформы милиции, социологические центры не оставляли без внимания тему реформирования, ими проводились разнообразные замеры общественного мнения. Мы подготовили дайджест, в который включили наиболее интересные результаты исследований сторонних социологических центров.

Это исследования, которые были проведены в период с января по октябрь 2010 года. Результаты этих исследований интересны тем, что они отражают общий уровень информированности граждан о ходе реформы МВД, а также содержат общественную оценку самого процесса реформы и потенциала ее эффективности. Кроме того, данные иллюстрируют заявленную гражданами готовность участвовать в процессе общественного обсуждения реформы, прогнозы относительно работы системы МВД в будущем, отношение граждан к переименованию милиции в полицию.

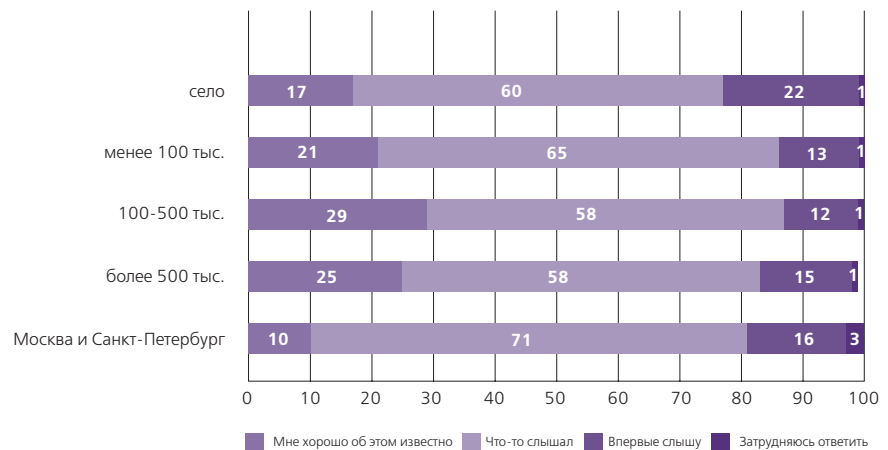
При подготовке дайджеста были использованы опубликованные результаты опросов общественного мнения, которые были проведены основными социологическими центрами, работающими на территории России – Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр), Фондом «Общественное мнение» (ФОМ).

Илья Шатин, Общественный вердикт

Вы лично знаете, слышали или сейчас впервые слышите о том, что в России началась реформа МВД?

(закрытый вопрос, один ответ)

По регионам:

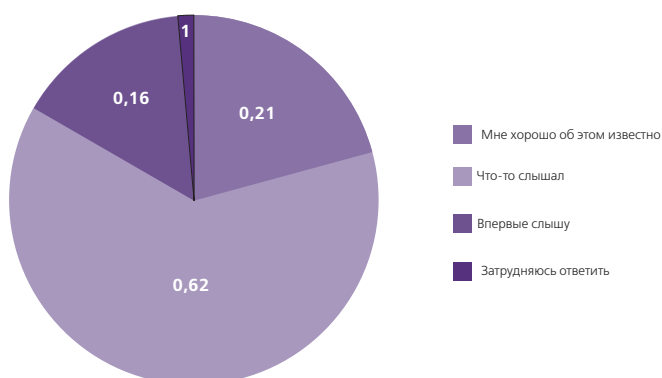
Источник: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Инициативный всероссийский опрос. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России, 2-3 октября 2010 г.

Статистическая погрешность не превышает 3,4%

Вы лично знаете, слышали или сейчас впервые слышите о том, что в России началась реформа МВД?

(закрытый вопрос, один ответ)

Все опрошенные:

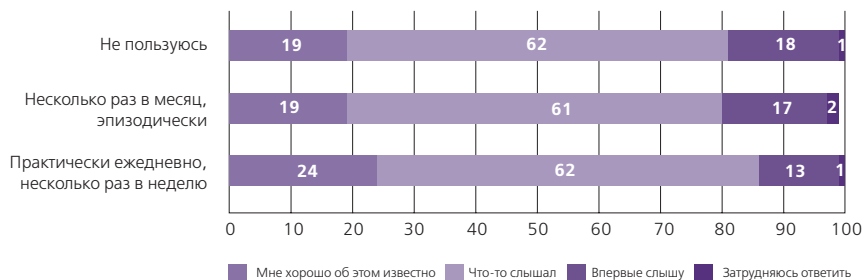

Источник: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Инициативный всероссийский опрос.

Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России, 2-3 октября 2010 г. Статистическая погрешность не превышает 3,4%

Вы лично знаете, слышали или сейчас впервые слышите о том, что в России началась реформа МВД?
(закрытый вопрос, один ответ)

Пользуетесь ли Вы Интернетом, и если да, то как часто?

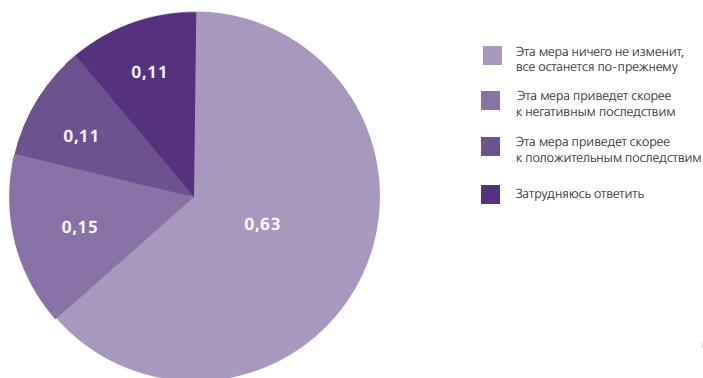
Источник: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Инициативный всероссийский опрос. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России, 2-3 октября 2010 г. Статистическая погрешность не превышает 3,4%

Как Вы относитесь к следующим предложениям в рамках реформы МВД, направленным на совершенствование работы сотрудников милиции?
(закрытый вопрос, один ответ по каждой категории)

Как по-вашему, к каким последствиям приведет переименование милиции в полицию?
(закрытый вопрос, один ответ)

Все опрошенные:

Источник: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Инициативный всероссийский опрос. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России, 14-15 августа 2010 г. Статистическая погрешность не превышает 3,4%

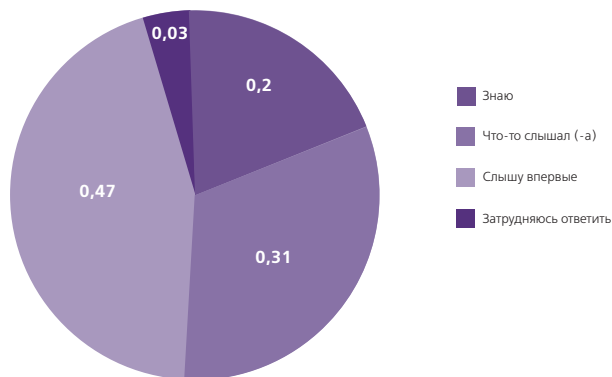
Какие ассоциации у Вас вызывают слова "полиция", "полицейский"?
(открытый вопрос, несколько вариантов ответа)

Источник: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ).
Инициативный всероссийский опрос.

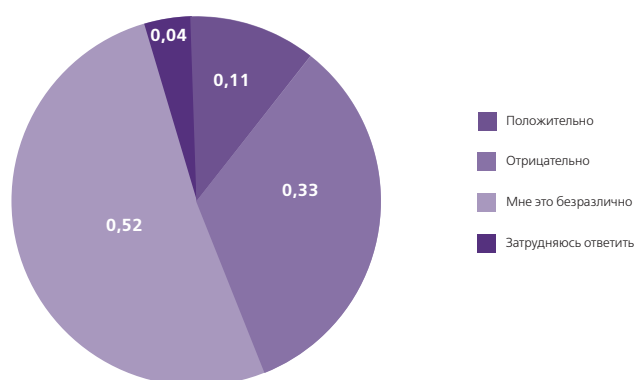
Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России, 14-15 августа 2010 г.
Статистическая погрешность не превышает 3,4%

Готовится новый федеральный закон «О полиции».
Вы знаете, что-то слышали или слышите сейчас впервые о том,
что законопроект «О полиции» доступен для общественного обсуждения
на специально созданном сайте?
(закрытый вопрос, один ответ)

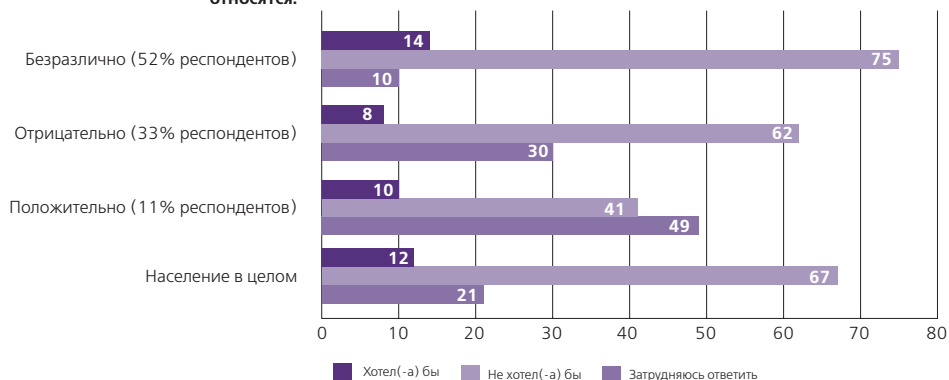
Источник: Фонд "Общественное мнение" (ФОМ).
Опрос «ФОМнибус», 2000 респондентов (в 100 населенных пунктах, 44 субъекта РФ), 14-15 августа 2010 г.

Как вы относитесь к идее переименовать милицию в полицию:
положительно, отрицательно или вам это безразлично?
(закрытый вопрос, один ответ)

**Обсуждение законопроекта "О полиции" продлится до 15 сентября.
Скажите, пожалуйста, вы бы хотели или не хотели участвовать
в общественном обсуждении нового закона «О полиции»?**
(закрытый вопрос, один ответ; данные в % от групп)

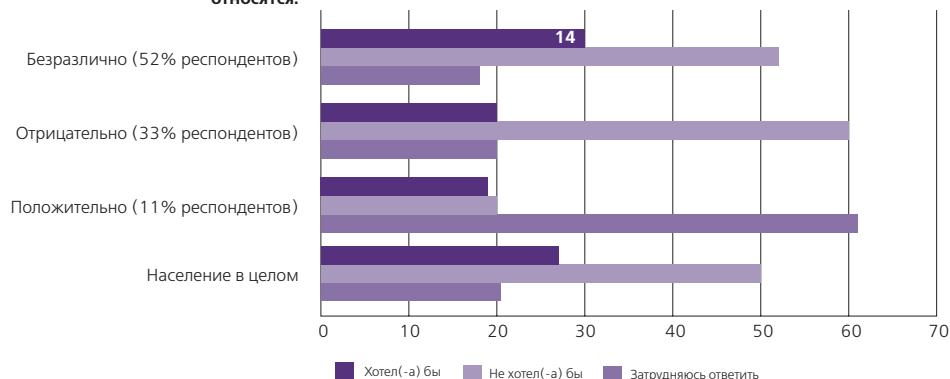
к идее переименовать
милицию в полицию
относятся:

Источник: Фонд "Общественное мнение" (ФОМ).
Опрос «ФОМнибус», 2000 респондентов (в 100 населенных пунктах,
44 субъекта РФ), 14–15 августа 2010 г.

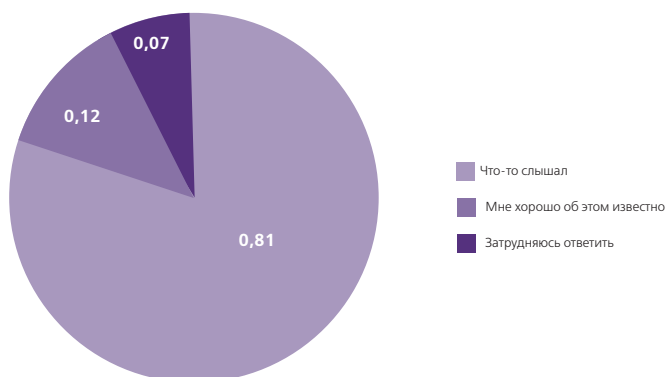
**Обсуждение законопроекта "О полиции" продлится до 15 сентября.
Скажите, пожалуйста, вы бы хотели или не хотели участвовать
в общественном обсуждении нового закона «О полиции»?**
(закрытый вопрос, один ответ; данные в % от групп)

к идее переименовать
милицию в полицию
относятся:

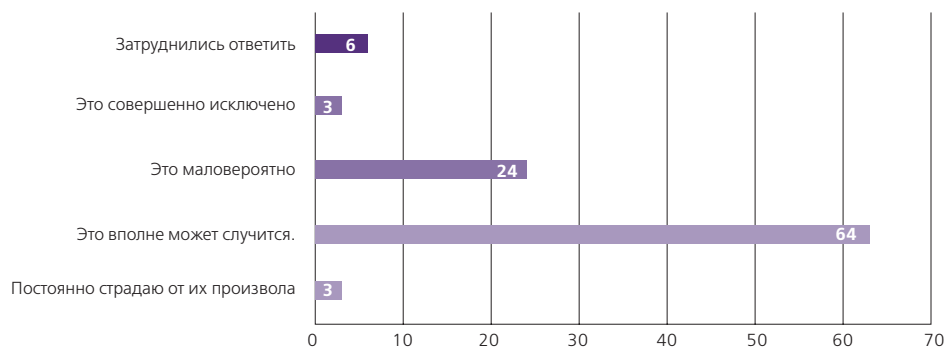
Источник: Фонд "Общественное мнение" (ФОМ).
Опрос «ФОМнибус», 2000 респондентов (в 100 населенных пунктах,
44 субъекта РФ), 14–15 августа 2010 г.

**Насколько серьезной для современной России, является, на ваш взгляд,
проблема беззакония и произвола правоохранительных органов?**
(закрытый вопрос, один ответ)

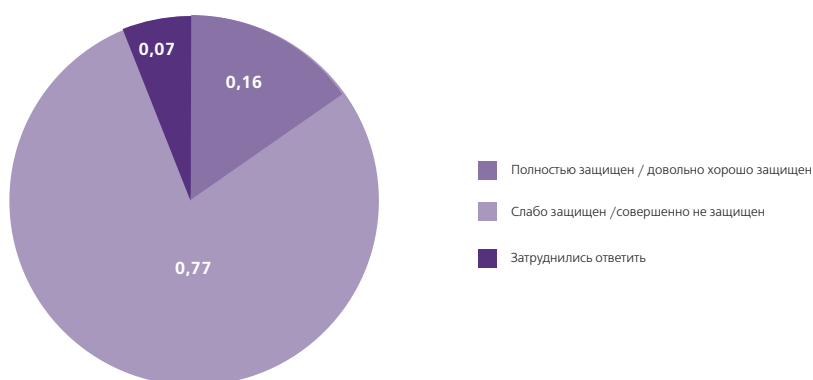
Источник: Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр).
Опрос по репрезентативной выборке 1600 россиян в возрасте
от 18 лет в 127 населенных пунктах 46 регионов страны,
29 января - 1 февраля 2010 года.

Как вы думаете, можете ли вы сами или ваши близкие пострадать от произвола правоохранительных органов?
(закрытый вопрос, один ответ)

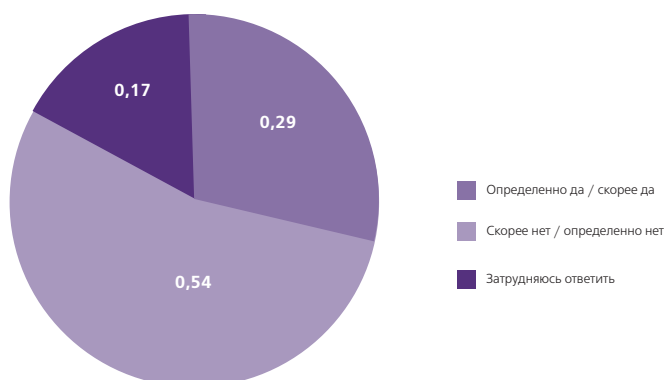
Источник: Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр).
Опрос по репрезентативной выборке 1600 россиян в возрасте от 18 лет в 127 населенных пунктах 46 регионов страны, 29 января - 1 февраля 2010 года.

Насколько вы лично чувствуете себя защищенным(-ой) от произвола правоохранительных органов?
(закрытый вопрос, один ответ)

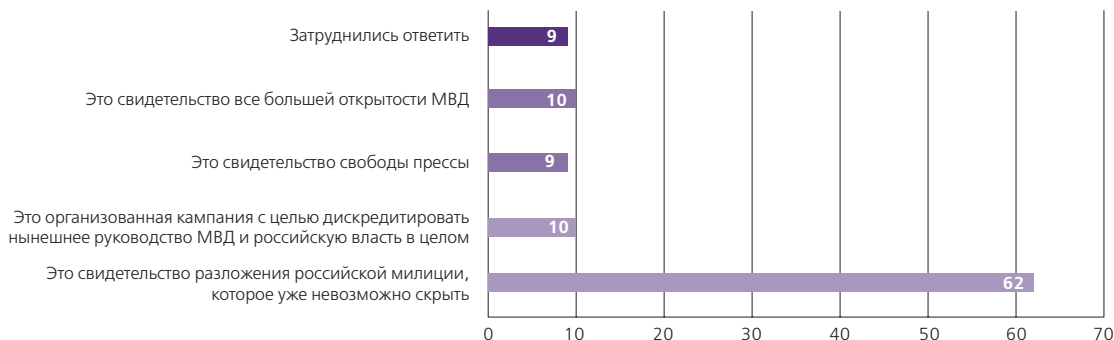
Источник: Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр).
Опрос по репрезентативной выборке 1600 россиян в возрасте от 18 лет в 127 населенных пунктах 46 регионов страны, 29 января - 1 февраля 2010 года.

Как вы думаете, если вы станете жертвой произвола милиции, защитят ли вас суд, прокуратура?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр).
Опрос по репрезентативной выборке 1600 россиян в возрасте от 18 лет в 127 населенных пунктах 46 регионов страны, 29 января - 1 февраля 2010 года.

Как вы считаете, что означает появление в последнее время многочисленных сообщений о преступлениях милиционеров в отношении отдельных граждан?
(закрытый вопрос, один ответ)

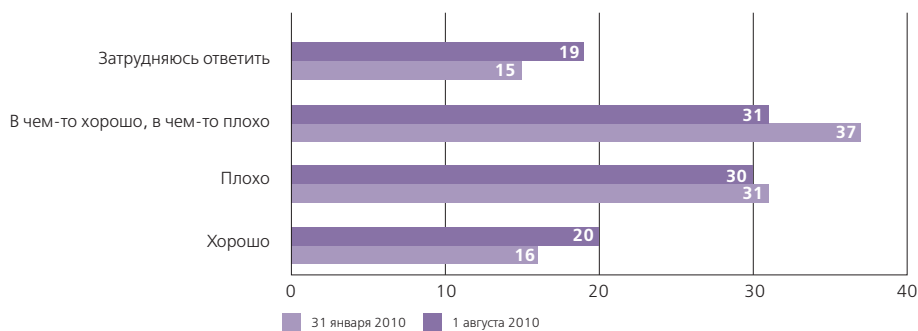

Источник: Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр).

Опрос по репрезентативной выборке 1600 россиян в возрасте от 18 лет в 127 населенных пунктах 46 регионов страны, 29 января - 1 февраля 2010 года.

Как вы думаете, через год милиция будет работать хуже или лучше, чем сегодня?

(закрытый вопрос, один ответ)

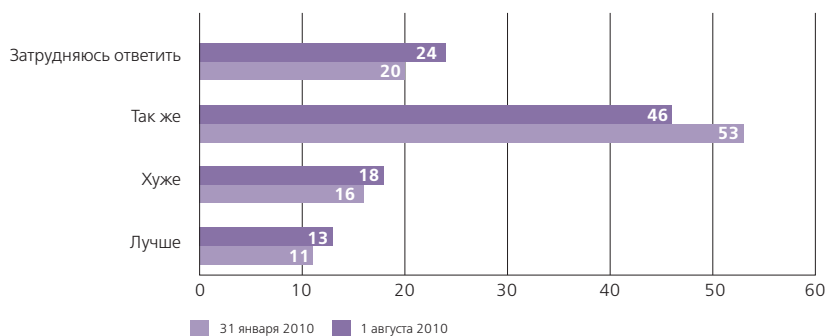

Источник: Фонд "Общественное Мнение" (ФОМ),

Опрос населения, 2000 респондентов (100 нас. Пунктов, 44 субъекта РФ), 30-31 января 2010 г. / 31 июля - 1 августа 2010 г.

По вашему мнению, в последнее время там, где вы живете, милиция работает лучше или хуже, чем прежде?

(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: Фонд "Общественное Мнение" (ФОМ),

Опрос населения, 2000 респондентов (100 нас. Пунктов, 44 субъекта РФ), 30-31 января 2010 г. / 31 июля - 1 августа 2010 г.

Дела Фонда – это те дела, которые поступили в нашу организацию непосредственно от потерпевших и по которым «Общественный вердикт» работает самостоятельно. Часть дел была взята в производство Фонда после проверки информации, размещенной в СМИ. По таким делам Фондом также самостоятельно и/или с привлечением адвокатов ведется работа по восстановлению прав граждан

Перегнуть палку

Светлана Рейтер, Дмитрий Ткачев, «Эсквайр», Москва, специально для бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

«Так называемая «палочная система» – это то, что сегодня на слуху у всех. Но прежде всего скажу, что главным критерием оценки деятельности органов внутренних дел является не отчетность, а эффективность защиты конституционных прав и свобод граждан. С 2005 года министерство принципиально отказалось от так называемой «палочной системы отчетности».

**Рашид Нургалиев в эфире радио "Милицейская волна",
16 декабря 2009 года.**

13 июля 2007 года прокуратура уральского города Троицк (Челябинская область) возбудила уголовное дело № 667453 по факту исчезновения Якупова А.В. Спустя две недели – 27 июля – задержанный по подозрению в убийстве Якупова Игорь Величков дал первые признательные показания. Спустя еще два года, восемь месяцев и шесть дней он будет признан невиновным и освобожден в зале суда. Публикуемый ниже с незначительной редакторской правкой рассказ Игоря и его адвоката Александра Данилова позволяет составить представление о том, как работают правоохранительная, судебная и пенитенциарная системы в современной России.

Игорь Величков, 27 лет, рамщик на пилорамах:

Вечером 26 июля 2007 года за мной приехали сотрудники милиции Троицка. Попросили паспорт:

- Дома он у тебя, нет?
- Да, – отвечаю, – дома.

Показал им паспорт. Они говорят:

- Айда, съездим, проверим.

– А чего, – спрашиваю, – какие-то проблемы?

Сотрудник милиции Кондратьев сказал:

– Ничего серьезного, паспортный режим, быстро съездим, проверим – и домой.

– Без проблем, – отвечаю.
Привезли в отдел, завели к начальнику, Зельцев его фамилия. По-моему, он начальник уголовного розыска. Он мне сразу:

– Где ружьё?
– Какое ружьё?! – переспрашиваю. Он мне:

– Ружьё, из которого ты убивал.
Я подумал, он шутит. Он продолжает:
– Такого-то числа ты убил таксиста Александра Якупова. Где ружьё? Где труп? Я твержу:
– Я никого не убивал, вы чего?!
А он, в общем, обвиняет меня.

Александр Данилов, адвокат, член Адвокатской палаты Челябинской области:

По оговору его соседа, Николая Алябьева, Величкова обвинили в убийстве. Алябьев же фактически является соучастником указанного преступления. Прокуратура у нас, сами знаете, какая. И какое следствие – тоже известно. Они просто не проверяли показания этого соседа.

Величков:

Меня завели в другой кабинет. Там был Кондратьев, который за мной домой приезжал, и ещё несколько сотрудников. Мне прямо сказали:

– Мы знаем, что это не ты убил. Но ты нам подходишь, и ты будешь сидеть.

Я, конечно, сидеть отказался. Меня начали избивать: сначала руками, потом ногами. Потом – строительным ломиком.

Завели меня предварительно в пустой кабинет. Коридор там длинный был, и комнаты друг против друга расположены. В пустом кабинете стояли два стула. В углу – строительный ломик. Напротив, в кабинете, распивали спиртные напитки. То есть милиционеры выходили в соседнюю комнату, выпивали, возвращались и по очереди меня били.

Человек пять-семь били, до пяти утра. Забрали меня в час дня, ну, примерно с этого времени и начали.

Данилов:

У нас были доказательства, что милиционеры применяли физическое насилие – результаты освидетельствования Величкова, заключения экспертизы. У него были синяки на бедре, под глазом, на шее, на теле. Было применение силы в момент задержания. Величкова били монтажным ломиком.

Величков:

В пять утра меня поместили в изолятор. Когда меня туда заводили, я уже весь в побоях был, и дежурный поинтересовался:

– И чего, как его оформлять теперь?!
– Да запиши, что всё нормально.
Он так и записал.

Прокуратура у нас, сами знаете, какая. И какое следствие – тоже известно. Они просто не проверяли показания этого соседа.

27 июля в обед я подал заявление следователю прокуратуры Лычагину на судебно-медицинскую экспертизу. В прокуратуре мне отказали, и я подал повторное ходатайство. 30 июля меня вывезли с ИВС в морг Троицка, где у нас освидетельствование делают. Сделали освидетельствование, написали, что «были нанесены побои за 5-10 дней до дня обследования».

Но это мне не помогло: тут же милиционеры сказали, что задержали меня не 26 июня, а 27-го. Началось следствие. Меня ежедневно избивали в ИВС – выбили из меня явку с повинной.

Данилов:

Они добились своего, и признательные показания мой подзащитный дал.

Дал, но, так как он не знал всех обстоятельств дела, которые на тот момент были известны только следствию, его показания не могли подтверждаться. В частности, он написал, что «стрелял в жертву четыре раза», а на самом деле был произведён всего один выстрел. Под пытками он свидетельствовал, что стрелял в грудь, а на самом деле выстрел был совершён в боковую область. Результаты судебно-медицинской экспертизы освидетельствования трупа показывали, что стреляли сбоку.

Величков:

Я написал им в сентябре две явки: первую – со слов следователя, который мне сказал, что писать, опираясь на по-

В пустом кабинете стояли два стула. В углу – строительный ломик. Напротив, в кабинете, распивали спиртные напитки. То есть милиционеры выходили в соседнюю комнату, выпивали, возвращались и по очереди меня били.

казания соседа, Николая Алябьева. Но Алябьев, единственный свидетель обвинения, менял свои показания: сначала он говорил, что Якупова убили в деревне, а труп утопили. Потом сказал, что труп закопали. Постоянно меня били с конца июля и до 20 сентября 2007 года. Потом отвезли во 2-й СИЗО.

Данилов:

Игорь содержался под стражей в 1-м и 2-м СИЗО, где условия были ужасными. В ИВС Троицка его содержали гораздо дольше положенных десяти дней. ИВС вообще не приспособлен для длительного содержания! Но, несмотря на мой запрос, прокуратура обратилась в суд с заявлением, что условия содержания меняться не будут.

Прокуратура обращалась в связи с тем, что она осуществляет надзор за условиями содержания лиц в СИЗО и ИВС.

Величков:

В СИЗО не оказывали постоянного давления, но дважды сажали в ШИЗО – один раз за то, что не спал, а во второй раз за то, что при обыске у моего сокамерника нашли журнал «Playboy», а я был дежурным по камере. В камерах сидело по 13-16 человек. Условия содержания – никакие. Ни вентиляции, ничего. Тогда у меня был первый адвокат, Владимир Владимирович Кухарев. Я сам поменял адвоката.

Данилов:

Я вступил в дело, когда оно уже было в суде – прошло два заседания или три, не помню. Ознакомившись с материалами, я сразу понял, что здесь нет доказательств. Когда шёл первый суд – с января по март 2008-го – судья Троицкого городского суда Анохин сразу же принял сторону обвинителя. Он затыкал мне рот, говорил:

– Адвокат, садись, мне мнение твоё не нужно. Мнение своё будешь в прениях высказывать.

Я прошу вызвать в суд милиционеров, на которых указывает Величков (были со стороны защиты доказательства о неправомочном задержании), а Анохин, судья, говорит:

– Не надо.

Мои жалобы по незаконным действиям милиции не рассматривались. Результаты судебно-медицинской экспертизы по побоям, нанесённым Величкову, – тоже. Я хотел записать в протокол возражения со стороны защиты, а судья – против.

Так закончился первый суд. Игорю дали 11 лет.

Величков:

Судья Анохин вообще ничего не слушал, а сразу сказал:

– У меня есть подсудимый, и есть убитый. Я буду решать, сколько дать подсуди-

тому за это убийство.

После первого суда в сентябре 2007 года меня перевели в колонию, ИК-15. В ИК-15, когда я вылез из «воронка», меня избили прямо в воротах. Позже, в бане, меня избили сотрудники колонии по инициативе «Секции дисциплины и порядка» – это те же зеки, только с повязками. У меня до сих пор снижается зрение: меня по голове били – может, из-за этого. Внутренности все отбиты. Ни в СИЗО, ни в ИК-15 врачебную помощь мне не оказывали. Я обращался к врачам, но мне сказали:

– Выйдешь на свободу и будешь лечиться.

Данилов:

Я подал кассационную жалобу в областной суд, но кассационная инстанция оставила этот приговор в силе. После этого мы обратились к судьям Челябинской надзорной инстанции, и только благодаря им дело в декабре 2008 года было отправлено на повторное рассмотрение. Второй суд тоже был не идеальным: понимаете, весь судейский корпус в таких маленьких городах взаимосвязан и зависит от прокуратуры и от председателя суда. По результату слушаний судья Свиридов оставил приговор в силе, и Игорь Величков опять получил 11 лет.

Величков:

На втором суде было то же самое: мы с Даниловым заявляли ходатайства, а их не принимали. Судья Свиридов даже не согласился проверить моё алиби. На этот суд меня привезли из ИК-15. После второго суда, когда мы с Даниловым написали кассационную жалобу, меня перевели в 1-й СИЗО, где в камере вместо восемнадцати содержалось 26 заключённых.

Данилов:

После очередной кассационной жалобы в июле 2009 года областной инстанцией приговор был отменён. Был назначен третий суд. Третий судья, Шпигун, – по совместительству преподавательница института и человек, с наукой дружащий. Она пошла нам навстречу, направила дело в прокуратуру на повторное рассмотрение, но прокуратура стала обжаловать возврат, и его вернули в суд. В мае 2010

года судья Шпигун оправдала Игоря Величкова «в связи с непричастностью к преступлению». Областной суд это решение утвердил.

Величков:

Меня оправдали на третьем суде. Это было 30 марта 2010 года. В общей сложности я провёл в заключении два года, восемь месяцев и шесть дней.

Данилов:

Сейчас мы подаём в Троицкий городской суд иски о возмещении морального и материального ущерба. Родители Величкова потратили около ста тысяч только на судебные издержки, я обещал им помощь.

В мае 2010 года судья Шпигун оправдала Игоря Величкова «в связи с непричастностью к преступлению». Областной суд это решение утвердил.

Величков:

Будем подавать иски к оболгавшему меня Николаю Алябьеву, моему соседу, и сотрудникам городского отделения милиции. Я не работал больше двух лет. Пусть мне возмещают зарплату за всё это время. Сколько мои родители потратили на судебные издержки? Два суда по 30 тысяч рублей, один – 40, и три кассационные инстанции по 10 тысяч рублей, включая надзорный областной суд. Вот и считайте.

Анна Керова, руководитель правового отдела Фонда «Общественный вердикт»:

К нам обратилась мама Игоря Величкова, Нелли Васильевна. Он попросила оказать помощь её сыну, который на тот момент содержался под стражей и об-

винялся в совершении убийства. Нелли Васильевна сообщала, что под пытками её сын написал явку с повинной, которая была положена в основу обвинения.

На тот момент у её сына был адвокат, который представлял его интересы. Мы связались с ним и дальше уже работали совместно. Оказывали ему помощь: где-то финансировали, где-то давали публикации в средствах массовой информации. Основную работу адвокат Данилов делал на месте. Но основная задача адвоката – добиться оправдательного приговора для Величкова, а наша задача – добиться возбуждения уголовного дела в отношении сотрудников милиции и эффективного расследования фактов выбивания показаний со стороны следственных органов.

23 июня 2010 года Фонд «Общественный вердикт» обратился к председателю Следственного комитета при Генеральной Прокуратуре РФ с просьбой проверить законность действий сотрудников ОВД Троицка и прокурора города Кинева Л.А., утвердившего обвинительное заключение по сфабрикованному делу Величкова.

31 августа 2010 года из прокуратуры Челябинской области в адрес фонда был направлен ответ за подписью первого заместителя прокурора области Можина В.А. Цитируем документ без комментариев: «За допущенные нарушения прокурор Троицка не подлежит дисциплинарной ответственности в связи с истечением сроков наложения дисциплинарного взыскания». «Кроме того, проведенной проверкой установлено, что в СО по г. Троицку ... по сообщению о неправомерных действиях сотрудников милиции в отношении Величкова проведена проверка... По ее результатам в возбуждении уголовного дела отказано... Прокуратурой г. Троицка данное процессуальное решение признано незаконным и необоснованным... Материалы направлены руководству СО по г. Троицку для решения вопроса об отмене постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и возобновления проверки».

Гонорар за текст авторы перечислили на счет Фонда «Общественный вердикт» на продолжение работы по делу Игоря Величкова.

Кафка в петербургском лесу

Тихон Дзядко, «Эхо Москвы», Москва, специально для бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

15 октября министр внутренних дел РФ Рашид Нургалиев награждал в Воронеже победителей ежегодного конкурса МВД России «Щит и перо». Призы вручали журналистам, которые пишут на правоохранительную тематику, и со-

трудникам пресс-служб. Как сообщается, наиболее популярными номинациями в этом году стали «В буднях всегда есть место подвигу», «Следствие ведут знатоки» и «Всегда в строю». Впрочем, вряд ли хоть в одну номинацию попала

история, главными героями которой стали два сотрудника петербургской милиции и советник вице-губернатора Санкт-Петербурга Николай Предтеченский. А зря – этой истории позавидовал бы любой писатель-фантаст.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Пожалуй, так могла бы называться номинация для произведения, посвященного «подвигам» петербургских милиционеров. Речь идет о сотрудниках отдела вневедомственной охраны при УВД Курортного района Санкт-Петербурга Антоне Корнейчике и Алексее Савиновском. Сейчас они находятся под стражей. А 5 июня были на дежурстве и около 11 часов вечера направлялись в поселок Решетников Выборгского района Ленинградской области. Там сработала сигнализация, и милиционеры должны были проверить, что произошло. Корнейчик буквально за день до этого отпраздновал двадцать девятый день рождения. Савиновский со дня на день ожидал рождения ребенка. Казалось бы, ничто не предвещало какого-то неожиданного развития событий. Впрочем, судьба и сами сотрудники милиции распорядились иначе. До здания, где сработала сигнализация, милиционеры так и не доехали. На трассе их обогнала машина «Форд Фокус». Не желая мириться с таким положением вещей, милиционеры воспользовались беспроектным приемом: включив мигалку, потребовали от водителя остановиться.

За рулем иномарки находился Николай Предтеченский, советник вице-губернатора Санкт-Петербурга Юрия Молчанова. Корнейчик и Савиновский попросили его выйти. При этом оба были вооружены: у Савиновского в руке был автомат, у его напарника – пистолет. Как утверждают сами милиционеры, Николай Предтеченский пытался показать им некое удостоверение. Он быстро понял, что ему это не поможет, вышел из машины и положил руки на стекло ба-

Это уже напоминает комедию положений или фильмы с Чарли Чаплиным, где одно из основных свойств героя – бесконечные падения. Только здесь это еще сопровождается «нечаянными» ударами автоматом.

гажника. Предтеченского обыскали. А после этого события стали развиваться по сценарию, который вовсе не поддается логике и разумному объяснению. Первым водителя начал избивать Алексей Савиновский. Он бил Предтеченского руками, ногами и автоматом. Тот не сопротивлялся, а позже рассказал, что проезжавшие мимо водители притормаживали и интересовались происходящим, и, чтобы скрыть свои действия, милиционеры повели Предтеченского в лес. Там избивание продолжилось – список травм, которые были нанесены советнику вице-губернатора, занимают в отчетах несколько предложений. Причем, по словам потерпевшего, один из сотрудников милиции приставил к его голове пистолет и угрожал убийством. Казалось бы, здесь история могла бы и завершиться. Но Предтеченского спас случай – он вырвался и убежал от сотрудников милиции, добежал до дачи друзей, от которых и ехал в тот вечер, и вызвал скорую помощь.

Это – первая часть, которую можно было бы назвать «Жертва». Вторая абсолютно логично будет называться «Автомобиль». Когда избитый Николай Предтеченский убежал в лес, сотрудники милиции решили избавиться от его машины, предварительно убедившись, что она не находится в угоне. Ключи были в замке зажигания, потому без особого труда они отогнали машину в лес, столкнули ее в овраг и подожгли. Неподалеку они устроили костер из вещей Предтеченского, лежавших в салоне и багажнике. Вот здесь точку в этой истории можно было бы поставить окончательно. Однако она была бы неполной, если бы в нее не было включено описание этих событий самими милиционерами.

Уголовное дело по факту случившегося было возбуждено уже 7 июня – то есть всего через два дня после избивания в лесу. Милиционеров арестовали, а далее начались стандартные процедуры: очная ставка, допросы и прочее. Как раз в ходе допросов сотрудники петербургской милиции и получили возможность изложить свою версию случившегося. Один из них – Корнейчик – признал свою вину частично, заявив, что в содеянном раскаивается. Другой – Алексей Савиновский – свою причастность к совершению преступления отрицает, утверждая, что ни в чем не виноват. Пояснения обоих обвиняемых в этой связи более чем показательны и напоминают игру в поиск отличий на двух, казалось бы, похожих рисунках. Вот, в частности, как Савиновский описывает события после остановки машины Николая Предтеченского: «Корнейчик наклонился к водительской двери автомобиля «Форд Фокус» и, обратившись к водителю, сказал: «Что вы творите? Вы только что с нами чуть не совершили ДТП!» После этого я попросил водителя выйти из машины и предъявить документы, на что он в грубой форме отказал в предъявлении документов, какие именно слова были им сказаны, я не помню». Между тем показания потерпевшего и постановление следователя четко дают понять: лексика сотрудников милиции была далека от вежливой, а грубость со стороны Предтеченского в адрес вооруженных мужчин была бы как минимум опрометчивой.

Другой пример – еще более наглядный. Он уже касается того, как Николая Предтеченского избивали прикладом автомата. Вот как это описывает Савиновский: «водителем снова <была> предпринята попытка убежать, я схватил его рукой за штаны или за кофту <...> Предтеченский потерял равновесие и упал на землю. Я тоже стал падать за ним, и, падая, чтобы не потерять равно-

весие, попытался зацепиться, схватиться за Корнейчика. Так получилось, что я схватился за ремень автомата, и когда я падал, то автоматом, который таким образом оказался у меня в руке, случайно нанес удар по Предтеченскому. <...> После этого водитель резко встал и по лесной дорожке побежал в сторону леса. Я побежал за ним, автомат в этот момент у меня был в руке. Когда я бежал с автоматом, то в беге я случайно Предтеченского один раз зацепил автоматом». Это уже напоминает комедию положений или фильма с Чарли Чаплиным, где одно из основных свойств героя – бесконечные падения. Только здесь это еще сопровождается «нечаянными» ударами автоматом. Причем версия эта у Савиновского появилась не сразу – сперва он подтверждал, что бил Предтеченского автоматом, но затем от этих показаний отказался, заявив, что следователь задавал наводящие вопросы.

Степень признания вины в этом деле полностью соотносится с количеством фантастических подробностей в изложении сотрудников милиции. Версия Савиновского, который свою вину полностью отрицает, более изобретательна. Если «нечаянные удары автоматом» – нечто из немых комедий, то описание падения машины в враг достойно наспех состряпанного боевика: милиционер рассказывает, как машина неожиданно начала движение, покатила в сторону врага, он вместе с напарником пытался ее остановить, но тщетно – она съехала вниз и неожиданно загорелась.

Что касается показаний Корнейчика, то они не так изобретательны, хотя во многом схожи с показаниями напарника. Корнейчик признал свою частичную вину, большинство же преступных действий, по его словам, совершил не он, а Савиновский. Причем, что интересно, своего напарника он описывает отнюдь не комплиментарно: «Савиновского

Николаю Предтеченскому повезло дважды. Первый раз, когда ему в ночь с 5 на 6 июня удалось вырваться и убежать от сотрудников милиции, второй – когда на завершение всех следственных действий по его делу потребовалось всего полгода.

А.В. могу охарактеризовать как вспыльчивого, упрямого, агрессивного человека. Агрессия и вспыльчивость Савиновского А.В., насколько мне известно, проявлялась ранее. Она выразилась в беспричинном нанесении ударов пассажиру остановленного автотранспортного средства». Как это сочетается с тем, что Корнейчик ходил к Савиновскому на день рождения, – загадка. Но, как бы то ни было, теперь всю ответственность он отчетливо хочет переложить на коллегу.

Здесь в истории, которая летом произошла в Выборгском районе Ленинградской области, можно ставить точку с запятой. Следственные действия в отношении милиционеров завершены, они обвиняются по трем статьям уголовного кодекса. Финальный аккорд будет поставлен, когда будет утверждено обвинительное заключение, дело будет передано в суд и суд примет свое решение. На фоне большого массива дел, формирующих понятие о «милицейском беспределе», эта история выглядит сказкой с хорошим концом. У обывателя показания милиционеров,

едва не убивших случайного водителя в лесу, который не угодил им только тем, что обогнал их на дороге, даже могут вызвать улыбку – настолько неправдоподобной выглядит как сама ситуация, так и те пояснения, которые дают милиционеры, призванные охранять общественный порядок и защищать граждан. Улыбка исчезает в тот момент, когда наступает осознание, что счастливое спасение Николая Предтеченского – невероятно на фоне тысяч подобных историй и искалеченных судеб.

Николаю Предтеченскому повезло дважды. Первый раз, когда ему в ночь с 5 на 6 июня удалось вырваться и убежать от сотрудников милиции, второй – когда на завершение всех следственных действий по его делу потребовалось всего полгода. И если с первым «чудом» может повезти каждому, то второе – скорее всего, удел избранных. То самое удостоверение советника вице-губернатора Санкт-Петербурга, которое не избавило Предтеченского от произвола остановивших его милиционеров, судя по всему, помогло ему добиться и ареста обидчиков, и быстрого расследования. Это – предположение, но оно неизбежно вытекает из сложившейся практики, которая свидетельствует, что только на возбуждение уголовного дела против сотрудников милиции обычно уходит от полугода до нескольких лет. А в значительном числе случаев дела и вовсе не возбуждаются. Николай Предтеченский – благодаря связям или своему положению в администрации Санкт-Петербурга – стал редким исключением. Но получит ли то же обычное обыватель, который не может подкрепить свое желание добиться законности удостоверением или знакомством? Практика правозащитных организаций показывает, что шансов на это у него очень мало.

«Прокусить линолеум – нереально»

Жителя Ульяновска пытали «неустановленные милиционеры»

Александр Литой, «Новая Газета», Москва, специально для бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

Одно из дел, которым занимается Фонд «Общественный вердикт» – пытки и фабрикация уголовного дела против молодого жителя Ульяновска Константина Патина. Его история поражает сочетанием крайней жестокости с копейными суммами, хищение которых собирались на него повесить.

Оговор

Константин Патин работал торговым представителем в ООО «Имидж», дистрибьютора компании «Микоян – Нижний Новгород». По его словам, уволился он из-за поломки личного автомобиля, использование которо-

го было неотъемлемым условием для работы. Нареканий от супервайзера, принявшего торговые точки, которые Патин обслуживал, он не получал.

В марте 2010 года возле подъезда своего дома Патин был задержан сотрудниками милиции, которые доставили его в ОВД. Там следователь

История поражает сочетанием крайней жестокости с копеечными суммами, хищение которых собирались на него повесить.

разъяснил, что его подозревают в присвоении 1529 рублей 75 копеек, принадлежавших бывшему работодателю. Патин ответил, что ничего не воровал. 20 апреля Патину вновь позвонил следователь Денис Симкин и пригласил в ОВД «пообщаться» по этому делу.

Сумма, которую, по мнению следствия, присвоил Патин, несколько раз менялась в ходе «следствия». На встречу Патин поехал с супругой Еленой, так как после общения со следователем планировал пойти с ней по делам. Супруга на протяжении всего допроса дождалась на улице.

По словам Патина, следователь в течение трех часов требовал от него признаться в хищении денег у ООО

«Имидж». В кабинет периодически заходил его начальник. Следователь матерился, угрожал избить в соседнем здании и отправить в СИЗО, где Патина якобы обязательно покалечат. Патин пытался объяснить, что никаких денег не присваивал, из фирмы ушел, сдав закрепленные за ним торговые точки без долгов, готов поднять документацию и разобраться в возникшем вопросе.

Не добившись от Патина признания, начальник сказал следователю Симкину, что «пора звонить брату». Через некоторое время в кабинет зашел молодой человек в темной кожаной куртке. Он подошел к Патину и спросил, будет ли тот признаваться.

Константин ответил, что ничего не присваивал и признаваться ему не в чем. Человек в темной кожанке достал из кармана наручники, сказав: «Ты меня достал», надел их на запястья Константина, и его повели к выходу. «Оборотни» не знали, что на улице стоит его супруга. Патина посадили в машину ВАЗ 2109 зеленого цвета с номером «т 204 ох» 73 серии. Увидев мужа в наручниках, Елена подбежала к милиционерам, стала спрашивать, что случилось, за что Константина забирают и куда

увозят. Ей ничего не ответили, а только ухмыльнулись.

Пытка

Парень в черной кожаной куртке посадил Патина на заднее сидение, сев слева, справа сидел еще один человек, также одетый в черную кожаную куртку. Но его потерпевшему детально рассмотреть не удалось. Симкин сел за руль. После того как машина тронулась с места, Патину рукой надавили на шею, опустив голову между коленей, на голову надели целлофановый ме-

Они дописали пункт, в котором излагалось, что Елена якобы присутствовала при допросе мужа, на котором он признал свою вину без какого-либо давления на него.

шок и начали бить по почкам, ребрам и голове.

Избивая Константина, они матерились и говорили, что отвезут на набережную реки Свияги для дальнейшего выбивания признания. Константин прогрыз дырку в пакете, для того чтобы дышать. Он предполагал, что машина ездил кругами, и поэтому, возможно, подъехала к находящемуся рядом с ОВД зданию, которым его и пугали.

На протяжении всего пути его били по разным частям тела. После того как машина остановилась, его вытащили и поволокли в здание, при этом ударив головой о дверной косяк. Судя по пройденным лестничным проемам, Патина подняли на третий этаж. После того как дверь открыли, его затащили в кабинет, кинули лицом на пол и начали избивать ногами по животу. Отцепили наручники, заломили руки за спину и снова надели наручники. Один из палачей поставил на спину ногу, а руками начал тянуть руки Патина вверх, требуя признательных показаний.

Второй человек спустил Константину носки и положил что-то мокрое (похожее на тряпку или вату) на щиколотки обеих ног и пустил ток. Он снова потребовал, чтобы Константин «признался». Патин продолжал отрицать свою причастность к краже. Когда они вновь пустили ток, потерпевший закричал от боли. Пытающие со словами «что ты визжишь, скотина!» заткнули ему рот капюшоном куртки и пустили еще два разряда, один за другим. Патин не выдержал страшной боли и согласился признаться. Однако даже после этого они пускали ток еще несколько раз, заставляя четко проговаривать слово «да».

Они сказали, чтобы Константин представлял только их адвокат, и угрожали ему и его семье расправой в случае, если тот обратится в прокуратуру. Говорили, что в таком случае жена или дети «не дойдут до дома». Говорили, что у них в прокуратуре все схвачено.

Из их разговоров Патин понял, что они отработывают заказ и им наплевать, виновен ли он в том, в чем признается, или нет. Во время избивания они наносили удары не кулаками, а всей рукой от локтя до кисти, а также не носком ноги, а стопой, чтобы было меньше следов.

Возвращение

Патину снова надели на голову темный целлофановый пакет, вытащили из здания и затолкали в машину. Обратный поехал с Константином только следователь Симкин. Когда он разрешил Патину снять пакет, они находились возле здания РОВД. Подъезжая к зданию, Симкин увидел супругу Константина и

Следователь матерился, угрожал избить в соседнем здании и отправить в СИЗО, где Патина якобы обязательно покалечат.

сказал: «Улыбнись, не нужно расстраивать жену». Когда Константин вышел из машины, Елена по его внешнему виду поняла, что ее мужа избили. Она заплакала и попыталась забрать его домой, но Симкин сказал, чтобы она ехала одна.

Константина он собирался оставить в кабинете до утра, объясняя, что зачем-то нужно дожидаться прихода прокурора. (Непонятно, зачем прокурору ехать в ОВД). После того как он понял, что жена никуда не уедет, он позвал ее в кабинет вместе с мужем. Он записал объяснения, в которых Патин признавал себя виновным. Записал, что тот потратил присвоенные деньги «на еду ребенку». Услышав это, Елена начала возмущаться и говорить, что ее муж никогда чужих денег не брал, на что Симкин ответил: «Ваш муж во всем признался». Она продолжала убеж-

Особого стремления раскрыть дело о пытках в отношении него он не видит.

дать его, что это неправда. В кабинет пришел старший следователь. Увидев жену, он сначала растерялся, а потом спросил Симкина, что тот решил с Патиным делать. Симкин сказал, что отпустит его домой – с условием, что на следующий день тот снова придет.

Возможно, его испугало присутствие супруги. Старший следователь предложил Симкину «подстраховаться» и взять показания с жены. Они спросили ее, знала ли она о присвоенных Константином деньгах. Елена продолжала отрицать это. Поняв, что ее не переубедить, попытались запугать. Сказали, что ее мужа посадят, и неизвестно, что с ним еще произойдет.

Опасаясь за здоровье Константина, она согласилась подписать под тем, что она якобы не знала о присвоенных деньгах. Этого им было мало: ВЫНОСКА они дописали пункт, в котором излагалось, что Елена якобы присутствовала при допросе мужа, на котором он признал свою вину без какого-либо давления на него. Она долго не соглашалась подписать под этим пунктом. Начальник следственного отдела продолжал на нее давить, пообещав не отпускать Константина. Побоявшись оставлять мужа в руках беспределщиков, она все же подписала данные объяснения.

Заявление

На следующий день по инициативе супруги Константин прошел освидетельствование в судебно-медицинском учреждении, получил справку, подтверждающую нанесенные ему побои. 23 апреля Патины обратились с заявлением в прокуратуру. Через месяц прокуратура Засвияжского района Ульяновска завела уголовное дело

по факту превышения должностных полномочий сотрудниками милиции. Правда, правонарушителями в деле являются некие «неустановленные лица», «почему-то» оказавшиеся в ОВД, а следователь Симкин проходит сейчас по делу как свидетель.

По словам Патины, особого стремления раскрыть дело о пытках в отношении него он не видит. Показания его жены о том, что сотрудники милиции периодически появляются рядом с их домом, следователь назвал паранойей. На предложение Константина отвезти его для опознания места преступления (он прогрыз пакет, чтобы дышать, и видел лестницу, считал ее проемы, видел обстановку в кабинете, где его пытали, насколько это было возможно) следователь ответил, что это не в его компетенции. Когда же Патин сказал, что на линолеуме могли остаться следы (от боли он зубами зацепил линолеум), следователь ответил, что прокусить линолеум – нереально.

Патин также рассказал, что милиционеры обратились к его новому работодателю, в результате чего тот его уволил.

Вся эта история – следствие конфликта с бывшим начальником, по

Такое обращение сотрудников милиции с подозреваемыми по уголовным делам обосновывается желанием сотрудников побыстрее улучшить свою отчетность в показателях раскрываемости.

мнению Патины. Конфликт произошел незадолго до его увольнения из «Имиджа». Видимо, бывший начальник решил действовать «не своими руками».

Юрист «Общественного вердикта» Антон Звёздкин рассказал, что, к сожалению, их Фонд часто сталкивается в своей работе с подобными историями. Такое обращение сотрудников милиции, особенно оперативных сотрудников, с подозреваемыми по уголовным делам зачастую обосновывается жела-

нием сотрудников побыстрее улучшить свою отчетность в показателях раскрываемости. Насколько в конечном итоге эта мера оправдывает себя – видно на примере этого дела. Следователь Симкин все равно направил его в суд для дальнейшего рассмотрения. Однако на стадии прений сторон гособвинитель (прокурор) отказался от дальнейшего поддержания обвинения в связи с явной недостаточностью улик, подтверждающих вину Патины в инкриминируемом ему преступлении, и попросил суд вернуть дело следователям для производства дополнительного расследования. Но злоключения Константина на этом не закончились. Возникла неожиданная проблема – найти в Ульяновске адвоката, который взялся бы представлять интересы Патины в деле против милиционеров. Многие из тех, к кому он обращался, открыто заявили, что они опасаются ссориться с местными правоохранителями.

Сейчас защищать Патины – при поддержке Фонда – согласились только независимые юристы из Тольятти.

Явка с повинной закончилась пытками

Житель Воронежа сознался в разбое, а милиционеры стали выбивать из него признания в убийстве

Александр Шварев, ИА «Росбалт», Москва, специально для бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

В Воронеже сбылась мечта любого российского милиционера. К участковому пришел местный житель Михаил Дрожжин и сознался в нераскрытом преступлении – разбойном нападении. Однако этого сотрудникам правоохранительных органов показалось мало. На протяжении трех суток они избивали Дрожжина, требуя сообщить сведения о другом преступлении – громком убийстве, о раскрытии которого оперативники поспешили доложить в Москву. Ему выбили зубы, на теле не осталось живого места. А потом милиционеры поймали предполагаемых убийц, дело которых уже рассматривается в суде.

Сейчас Фонд «Общественный вердикт» пытается добиться, чтобы по факту избиений было возбуждено уголовное дело – необходимое условие для проведения тщательного расследования случившегося и дальнейшего определения вины конкретных милиционеров.

38-летний житель Воронежа Михаил Дрожжин в 2008 году сошелся с «плохими ребятами», промышлявшими различными преступлениями на территории региона. Однажды и он отправился с ними «на дело» и поучаствовал в разбойном нападении. Однако потом осознал, что

На протяжении трех суток они избивали Дрожжина, требуя сообщить сведения о другом преступлении – громком убийстве, о раскрытии которого оперативники поспешили доложить в Москву.

его приятели – люди крайне опасные. Желая прекратить все эти сомнительные и преступные занятия, Михаил Дрожжин решил сам обо всем рассказать правоохранительным органам, так как другого выхода не видел.

2 июня 2008 года в 13.00 он добровольно явился к участковому и рассказал о том, что совершил разбой, и назвал своих поделщиков. Кроме того, изобличил их в других преступлениях, в которых сам не участвовал. Участковый гостю крайне обрадовался и сразу повез его в отдел милиции № 2 УВД по г. Воронежу. Оформлять задержание злоумышленника там сразу не стали. Дрожжина просто отвели в один из кабинетов уголовного розыска, где ему устроили допрос с пристрастием. По словам самого пострадавшего, оперуполномоченный и два участковых начали его избивать, требуя дать показания по преступлению, к которому он никого отношения не имел. Выясни-

лось, что незадолго до явки Дрожжина в милицию в Воронеже было совершено резонансное убийство – неизвестные расправились с местным бизнесменом, членами его семьи и забрали ювелирные изделия и деньги. В результате милиционеры начали выбивать из Дрожжина сведения о том, кто участвовал в убийстве семьи, где спрятано орудие преступления и украшения. Мужчина ничего пояснить не мог, поскольку не знал о случившемся.

В результате только в 22.45 того же дня было оформлено официальное задержание Дрожжина, а его посадили в камеру для задержанных за административные правонарушения (КАЗ) отдела милиции. По словам Михаила, почти сразу милиционеры отрапортовали руководству, что по делу о «громком убийстве» у них появился подозреваемый, который к тому же уже находится под стражей. А утром 3 июня избиения продолжились. На этот раз к милиционерам присоединился еще и следователь Следственного отдела по Кантемировскому району СУ СКП РФ по Воронежу. Последний, как уверяет Дрожжин, лупил его по голове телефонным аппаратом и требовал рассказать обо всех деталях убийства. Один из оперуполномоченных выбил Дрожжину зуб, после чего изо рта выпал и зубной мост. Милиционер просто растоптал мост ногами, и экзекуция продолжилась. Под вечер его вновь отправили в камеру. Причем за все это время Дрожжину ни разу не дали ни воды, ни еды.

Так ничего и не добившись от задержанного, 4 июня участковые повезли его в суд для избрания меры пресечения. По пути, как указывает Дрожжин, оперуполномоченный припугнул его, что если мужчина хоть слово скажет об избиениях своим близким, то ему «будет совсем худо». В зале суда присутствовали сестра Дрожжина и его гражданская жена, он ничего им об издевательствах рассказывать не стал. Впрочем, этого и не нужно было делать – все и так было очевидно. У мужчины отсутствовали зубы, он практически не мог двигаться, лицо было опухшее, с синяками. «Родственники меня не узнали, так как я был весь скрюченный и не мог повернуться ни вправо, ни влево, – рассказал правозащитникам Дрожжин, – У меня было отбито буквально все».

Близкие сразу объявили, что Дрожжина избивали. Это, видимо, еще больше разозлило милиционеров. Прямо из зала суда Дрожжина доставили в УВД Воронежа, где его опять принялся избивать участковый. На этот раз, чтобы не оставлять видимых следов, он бил жертву по ногам. «Меня избивали без каких-либо причин, просто так», – отмечает Михаил.

После очередных издевательства участковый повез Дрожжина в следствен-

Оперуполномоченный и два участковых начали его избивать, требуя дать показания по преступлению, к которому он никого отношения не имел.

ный изолятор, где тот должен был пройти обязательное медосвидетельствование. Михаил сообщил судмедэкспертам, что гематомы и ссадины у него появились после того, как он «зацепился за дерево областью грудной клетки». «Я просто очень боялся за свою жизнь», – пишет Дрожжин правозащитникам. Тем временем врачи зафиксировали у арестанта целый набор травм. «На коже передней поверхности грудной клетки справа от грудины на протяжении около 14 см в длину и 12 см в ширину множественные гематомы неправильной формы желто-зеленого цвета... На коже спины в области 7-8 ребер и ниже расположены одна над другой, с промежутками примерно по 5-6 см, три гематомы неправильной овальной формы, желтого цвета по кра-

ям и темно-синего по центру». Также гематомы были обнаружены врачами подмышками, на бедрах, под коленями и т. д. Общий список травм занимает почти страницу – на теле Дрожжина почти не было живого места.

Примечательно, что спустя месяц после этих событий милиционеры задержали предполагаемых убийц семьи предпринимателя. После этого о Дрожжине они забыли, а вот сам он не смог вычеркнуть из памяти издевательства.

Почти сразу после доставления в СИЗО Михаил попытался обжаловать в суде действия милиционеров. Помимо того, что его избили, он указал в своей жалобе и на многочисленные процессуальные нарушения. «2 июня 2008 года в 13 часов дня я пришел в опорный пункт милиции, чтобы рассказать о совершенном мной преступлении, – отмечает Дрожжин. – В 14 часов дня вместе с работником участковой милиции меня привезли в отделение милиции № 2, где я рассказал о совершенном мной преступлении начальнику уголовного розыска... После доставления подозреваемого в орган дознания, к следователю или прокурору, в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные статьей 46 УПК РФ. В моем случае протокол задержания начали

Почти сразу милиционеры отрапортовали руководству, что по делу о «громком убийстве» у них появился подозреваемый, который к тому же уже находится под стражей.

Избиения продолжились. На этот раз к милиционерам присоединился еще и следователь Следственного отдела по Кантемировскому району СУ СКП РФ по Воронежу.

оформлять только в 22.45. Значит, почти десять часов меня держали в отделе милиции № 2 незаконно».

Дрожжин также указал в жалобе: «...сотрудники милиции поначалу не поверили моим признаниям и стали требовать золото, которое было украдено у убитой семьи, и оружие. Меня избивали на всем протяжении моего нахождения в отделе милиции № 2... Спустя пять дней я от адвоката моего подельника узнал, что сотрудники милиции и следователи, не проверив данных по преступлению, доложили в Москву, что по убийству «банду» поймали. Из-за этого с меня настойчиво требовали золото, а следователь прокуратуры бил меня по голове стационарным телефоном».

При рассмотрении жалобы Дрожжина в суде милиционеры проявили корпоративную солидарность. Все они в один голос заявляли, что Михаила никто не бил, обращались с ним нормально. А один из участвовавших в избиении участковых вообще высказал свою версию произошедшего. Согласно ей, милиционер сам позвонил Дрожжину и попросил 2 июня в 13.00 прийти в опорный пункт. Выглядя Михаил испуганно, а явку с повинной он якобы писать вообще отказался. На конкретные вопросы судьи о том, сколько времени Дрожжин пробыл в опорном пункте, в отделе милиции № 2, участковый отвечал одинаково: «Я не помню». Во время слушаний загадочным образом в уголовном деле нашлись материалы о том, что Дрожжин на самом деле вначале был задержан участковыми за административное нарушение и помещен в КАЗ, соответственно, отпал и вопрос о его незаконном содержании в отделе милиции. «2 июня я приступил к очередному дежурству на должность дежурного по разбору отдела милиции №2, – сообщил один из милиционеров. – В этот день в дежурную часть был доставлен Дрожжин за совершенное им административное правонарушение, который был помещен в КАЗ. Видимых телесных повреждений у Дрожжина не было, физическая сила к нему не применялась».

В результате судья отклонила жалобу Михаила на незаконные действия сотрудников правоохранительных органов.

Однако Дрожжин сдаваться не собирался. Из СИЗО он сделал запрос в УВД города Воронежа, откуда пришел следующий ответ: «В соответствии с записями книги № 9 учета лиц, доставленных в ОВД, гражданин Дрожжин Михаил

Юрьевич 2 июня 2008 года в дежурную часть отдела милиции № 2 УВД по городу Воронеж за административное правонарушение не доставлялся». Получается, что все-таки десять часов Дрожжина держали в милиции незаконно. Этот документ, а также справку врачей, зафиксировавших

Михаил сообщил судмедэкспертам, что гематомы и ссадины у него появились после того, как он «зацепился за дерево областью грудной клетки».

побои, Михаил приложил к своему заявлению в Следственное управление СК РФ по Воронежу с требованием возбудить дело на милиционеров и следователя.

«Своими незаконными действиями сотрудниками отдела милиции № 2 УВД Воронежа причинили мне сильный физический и моральный вред, вред здоровью, были допущены нарушения Конституции РФ и Законодательства РФ, тем самым они опорочили честь и достоинство сотрудников правоохранительных органов, – пишет в заявлении Дрожжин, – Прошу восстановить мои права и законные интересы, нарушенные сотрудниками правоохранительных органов. Прошу признать действия сотрудников милиции отдела милиции № 2 УВД Воронежа незаконными».

Стремление сотрудников милиции и следователя раскрыть преступление, в связи с которым Дрожжина избивали, вероятнее всего, связано с резонансным характером этого убийства. Практика показывает, что при работе по таким громким преступлениям к сотрудникам правоохранительных органов предъявляются требования существенно более высокие и жесткие, чем по большинству преступлений аналогичного характера и тяжести.

Однако по заявлениям Дрожжина всякий раз принимались решения об отказе в возбуждении уголовного дела в связи «с отсутствием события преступления». В результате он обратился за помощью в фонд «Общественный вердикт».

«Михаил написал нам, находясь в СИЗО, – сообщили в Фонде. – Сейчас Фонд подыскивает для Михаила адвоката, однако ситуация осложняется тем, что многие воронежские защитники не хотят вступать в конфронтацию с местными правоохранительными органами. Мы будем добиваться всестороннего разбирательства по изложенным Дрожжиным обстоятельствам и принятия законного и обоснованного решения».

В данном случае стремление сотрудников милиции и следователя раскрыть преступление, в связи с которым Дрожжина избивали, вероятнее всего, связано с резонансным характером этого убийства. Практика показывает, что при работе по таким громким преступлениям к сотрудникам правоохранительных органов предъявляются требования существенно более высокие и жесткие, чем по большинству преступлений аналогичного характера и тяжести.

«Резонансное дело» оттягивает на себя силы и средства, которые в другое время равномерно распределяются на несколько обычных дел и сотрудников. В результате нарушается «штатная» работа милиции.

Но при этом никто не снижает планки, и работа милиции оценивается по показателям, которые отражают работу по всем делам, независимо от их резонанса и общественной значимости. Понятно, что работа по резонансному делу приводит к общему снижению показателей работы.

При этом обеспечение отчетности – чуть ли не главная задача любого отдела, и именно она нередко оправдывает на практике как пренебрежение процессуальными вопросами, так и чрезмерное и необоснованное насилие в отношении настоящих и вымышленных преступников.

Безответственность за убийство

Полина Никольская, «Газета.ру», Москва, специально для бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

В России милиционеров судят в основном за превышение должностных полномочий: под эту формулировку, как правило, попадают и случаи коррупции, и избиение задержанных, и издевательства над задержанными, пытки. Что характерно, еще, наверное, ни один из адвокатов или правозащитников, наблюдавших за подобными делами – по крайней мере, за процессами, получившими широкую огласку, – не заявил, что полностью удовлетворен приговором.

22 июля 2010 года Саткинский городской суд Челябинской области признал виновными в избиении до смерти задержанного пятерых милиционеров из ОВД города Сатка. Они получили разные сроки – от условного наказания до 12 лет в колонии строгого режима. Претензии у потерпевшей стороны есть и к следствию, и к приговору. Адвокат Сергея Удавихина Сергей Банных называет наказание слишком мягким и считает, что после передачи дела в суд на скамье подсудимых должно было оказаться больше обвиняемых.

Коллега четырех милиционеров Руслан Тарасенко, решило следствие, за избиением задержанных наблюдал, но никак не пытался его прекратить.

В материалах дела описаны обстоятельства, ставшие уже «классическими» для подобного рода процессов. 22 ноября 2008 года около 3.30 ночи милиционеры доставили в отделение четырех человек. «Была драка возле ресторана, – рассказывает Банных. – Избили сотрудника ГАИ, который тоже отдыхал в этом заведении». Приехавшая милиция по подозрению в избиении сотрудника ДПС Вайтиева задержала четырех мужчин – 34-летнего предпринимателя Сергея

ОВД по Саткинскому муниципальному району

Удавихина и компанию из троих друзей, проводивших вместе в ресторане время, – граждан Таушева, Утина и Черданцева. Для выяснения личностей всех мужчин доставили в дежурную часть. Свидетели рассказывали, что, пока милиционеры записывали личные данные задержанных, все четверо кричали, ругались и возмущались тем, что их привезли в ОВД незаконно. Многие отмечали, что на лице Удавихина уже была кровь, когда его только привезли в отделение. После оформления, рассказывает адвокат, подозреваемых заводили по двое в одно из помещений, где четверо пьяных милиционеров начинали их избивать. Суд установил, что побои наносили майор милиции Станислав Фомин, милиционеры роты ППС Руслан Камалов, Сергей Василенко и Вильшат Хадыев. Только Фомин находился в ОВД пьяным не во время своего дежурства. Как впоследствии пояснял следователям милиционер, на работе он ждал машину, которая отвезла бы его домой. Коллега четырех милиционеров Руслан Тарасенко, решило следствие, за избиением задержанных наблюдал, но никак не пытался его прекратить.

Смерть Удавихина заметил отчим одного из задержанных, также сотрудник ОВД. Он приехал в отделение после звонка пасынка. В ОВД начальник ОВО Нечунаев увидел, что на полу с залом-

ленными за спину руками в наручниках лицом вниз лежат его пасынок и Удавихин. По словам Нечунаева, он заметил, что у Удавихина синеют уши. Проверив дыхание, милиционер крикнул помощнику дежурного Матвееву, который в этот момент находился в рубке, что в отделении умер человек.

Как позже показала экспертиза, Сергей Удавихин скончался «от совокупности телесных повреждений» или «тупой травмы тела». Всего милиционеры нанесли предпринимателю 36 ударов. Перечисление травм занимает полстраницы. Медики зафиксировали у Удавихина закрытую черепно-мозговую травму – несколько ушибов головы и лица, которые привели к кровоизлия-

Сергей Удавихин скончался «от совокупности телесных повреждений» или «тупой травмы тела». Всего милиционеры нанесли предпринимателю 36 ударов.

ниям в мозг, тупую травму позвоночника с кровоизлияниями в мягкие ткани и спинной мозг, кровоизлияния в грудную клетку, отек спинного и головного мозга, повреждения мошонки, паха, перелом ребер, обширный разрыв печени и селезенки. Все это в материалах дела было охарактеризовано как «тяжкий вред здоровью», который повлек смерть. До разрыва селезенки, почек и кровоизлияния в мозг милиционеры избивали предпринимателя Удавихина «на почве личной неприязни».

Расследование уголовного дела по ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека) и ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий) длилось год, затем почти год длилось судебное следствие. В итоге милиционера Руслана Камалова суд приговорил к 12 годам лишения свободы в колонии строгого режима, Сергея Василенко – к 11 годам в колонии строгого

Прокуроры требовали у суда назначить милиционерам сроки от 14 до 17 лет «строгача».

режима, Вильшата Хадыева и Станислава Фомина – к 10 годам в колонии строгого режима. Тарасенко лично Удавихина не бил, поэтому получил условное наказание сроком на 3 года. Прокуроры требовали у суда назначить милиционерам сроки от 14 до 17 лет «строгача». Но, по словам Банных, как всегда на подобных процессах, суд учел положительные характеристики милиционеров с работы, отсутствие судимостей и наличие детей и вынес более мягкие, чем требовал обвинитель, приговоры.

Любопытно, что избиение до смерти задержанного убийством в рамках российского законодательства не считается. В подобных челябинскому делам милиционеры обычно проходят не по ст. 105. Избить в отделении человека считается превышением должностных полномочий. Избиение до смерти – причинение тяжкого вреда, опасного для жизни. Иными словами, формулировку можно прочесть как «не рассчитал силу». Адвокат Банных называет это «вопросами юридической казуистики»: «Такова судебная практика. Если человека не рубят топором и не стреляют в голову, то есть если действия преступника неоднозначно и не сразу приводят к смерти, то это квалифицируется как тяжкий вред здоровью». На деле получается, что все со-

трудники правопорядка, избивающие до смерти граждан при задержании, в отделении, на улицах убийцами, с точки зрения закона, не считаются, даже если смерть наступила во время избиения. Например, милиционер Анвер Ибрагимов в ноябре 2009 года избил в Москве до смерти 20-летнего абхаза Эдуарда Гурцкая около станции метро «Кузьминки». То, что молодой человек умер от побоев, в отличие от инцидента в Челябинске видели десятки прохожих и доказала экспертиза: смертельный удар Ибрагимов нанес Гурцкая в спину, от него у уроженца Абхазии случился разрыв печени и сильное внутреннее кровотечение. Ибрагимов был признан виновным в нанесении побоев и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью. Для сравнения: ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) предусматривает срок от пяти до пятнадцати лет лишения свободы, ст. 105 УК РФ (убийство) – от восьми до двадцати лет, либо пожизненное заключение.

Примечательно также, что двое милиционеров из саткинского ОВД, обвиняемые в причинении вреда здоровью, опасного для жизни, продолжали нести службу во время следствия. Фомин, Василенко и Камалов находились под стражей. Хадыеву же изначально была выбрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, к концу следствия под подписку отпустили и Тарасенко. «Они, насколько мне известно, продолжали нести службу, работали в ОВД. Правда, их перевели на работу, не связанную с контактами с населением», – говорит Банных.

Потерпевшую сторону не удовлетворяет и тот факт, что за убийство в здании ОВД понесли наказание только исполнители – милиционеры, которые непосредственно участвовали в избиении. Те же, кто мог предотвратить преступление – по уставу и своим полномочиям, – остались ненаказанными. Вдова погибшего Удавихина Людмила Долганова почти год пыталась добиться возбуждения уголовного дела против дежуривших ночью на 22 ноября милиционеров – дежурного Коробова и его помощника Матвеева. Первое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела против дежурных отменялось дважды. На третий раз, рассказывает Банных, его признали законным. Обжаловать это постановление Долганова пыталась в разных инстанциях. Всего было подано две надзорных жалобы и одна кассационная. Но суды соглашались со следствием, ссылаясь в решениях на опросы свидетелей – коллег Матвеева и Коробова. Все находившиеся в здании ОВД милиционеры утверждали, что дежурный не мог видеть избиение, потому что вышел

За убийство в здании ОВД понесли наказание только исполнители – милиционеры, которые непосредственно участвовали в избиении. Те же, кто мог предотвратить преступление – по уставу и своим полномочиям, – остались ненаказанными.

из отделения, когда задержанных доставили и записали их данные. А Матвеев находился в рубке дежурного, откуда помещение, где избивали четверых мужчин, не видно. В одном из постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела сказано, что у Коробова и Матвеева «не было оснований полагать, что в отношении задержанных может быть совершено какое-либо преступление». «В помещении дежурной части ОВД по Саткинскому муниципальному району находились только сотрудники милиции, посторонних лиц, могущих причинить вред задержанным, в здании ОВД не было», – пояснил следователь. Сколько еще гражданских должно пострадать от рук и ног милиционеров, прежде чем сотрудники следственных органов начнут следить за работой, следователь не уточнил. Смерть Удавихина, сказано также в постановлении, наступила в результате

Этот процесс – один из ключевых за последний год. Сейчас мы планируем продолжить работу по привлечению к должной ответственности сотрудников милиции, которые видели, но не препятствовали коллегам, убивавшим Удавихина. Также Фонд планирует помочь вдове потерпевшего получить компенсацию от государства».

преступных действий четырех милиционеров, непосредственно избивавших задержанных. Поэтому, по мнению следователя, «причинно-следственная связь между деяниями Коробкова и Матвеева и смертью Удавихина отсутствует». В результате оба должностных лица, которые обязаны были предотвратить избиение во время своего дежурства, получили только дисциплинарное взыскание и продолжают работать в ОВД. В следующий раз повода волноваться за поведение своих коллег у Коробова и Матвеева тоже не будет.

Обжаловать постановление следователя вдове Удавихина так и не удалось. Обжаловать приговор, сказал Банных, они даже не будут пытаться: отмена приговора из-за мягкости означает новое судебное разбирательство. «А мы год подавали жалобы во время следствия, год рассматривалось дело. Людмила уже просто устала», – поясняет защит-

ник. Кроме того, не исключено, что при повторном рассмотрении подсудимым выберут меру пресечения, не связанную с заключением под стражу, а это означает, что все четверо милиционеров, получивших сроки в колонии строгого режима, снова вернутся на работу в ОВД. На справедливость суда и следствия потерпевшая уже не надеется. Вдове Удавихина остается обращаться только к правозащитникам. «У нас не милиция, а фашистская организация, но никаких мер не предпринимается, а совсем наоборот, все делают вид, что все замечательно, что смерть человека в «застенках» милиции – это норма», – пишет она директору Фонда «Общественный вердикт». Правозащитников она просит только об одном: обратить на свое дело «внимание всего общества, всех законопослушных граждан, чтобы защитить права всех пострадавших от зверства и незаконных действий «нелюдей» в погонах».

Как пояснил юрист Фонда Антон Звездкин, «Общественный вердикт» оказывал Людмиле юридическую поддержку, осуществлял содействие в работе адвоката. Осуществлялась также информационная поддержка по делу в региональных и федеральных СМИ. «Для Людмилы информационная поддержка была очень важна, она пыталась добиться, чтобы на ее дело обратило внимание руководство МВД, – сказал Звездкин. – Дело непростое, здесь нужно было бороться, в том числе и с давлением со стороны правоохранительных органов. Этот процесс – один из ключевых, на мой взгляд, за последний год. Сейчас мы планируем продолжить работу по привлечению к должной ответственности сотрудников милиции, которые видели, но не препятствовали коллегам, убивавшим Удавихина. Также Фонд планирует помочь вдове потерпевшего получить компенсацию от государства».

О бедном студенте замолвите слово

Александра Крыленко, независимый журналист, Москва, специально для бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

Станислав Речкалов. Фото из личного архива.

История студента Святослава Речкалова, якобы напавшего на сотрудника милиции, банальна для российской правоохранительной и судебной системы. Молодой человек был избит при задержании и, несмотря на добросовестную работу адвоката, так и не смог доказать собственную невиновность и получил год условно. Надо отметить, что Речкалов еще легко отделался: нанесенные ему побои не сказались серьезно на его здоровье, а год условно можно считать гуманным приговором. Сколько российских граждан получают травмы от рук сотрудников милиции, становятся инвалидами – точной статистики по России нет: граждане далеко не всегда обращаются с жалобами на действия милиции. А если и обращаются, то только по малой части заявлений возбуждаются уголовные дела. Но даже эта информация недоступна, т. к. пытка и жестокое обращение как должностное преступление не криминализованы в России – соответственно, такой статистики не ведется.

Сколько человек отбывают наказание по статье «применение насилия в отношении представителя власти», мы тоже узнать не можем. Постатейной статистики МВД не предоставляет, но, судя по числу обращений к правозащитникам, немало. И значительная часть из них сотрудника милиции и пальцем не трону-

Попытки настоять на своем праве стоять за забором и ждать друга ни к чему не привели. Лица в штатском все больше распаялись.

ли.

Откуда у меня такая уверенность? Все очень просто: одной из самых распространенных схем «борьбы» со строптивыми гражданами, пострадавшими от рук сотрудников милиции и решившими пожаловаться, является возбуждение

уголовных дел против них самих. Сотрудники милиции быстро «организовывают» себе телесные повреждения, находят свидетелей из числа других обладателей погон, и материалы дела стремительно передаются в суд. Суд зачастую почему-то полагает, что именно представители власти – лица незаинтересованные и поэтому их показаниям нужно верить. А все остальные доказательства отменяет как пристрастные. Во всяком случае, нашумевшее дело Всеволода Остапова, расследование которого сопровождалось активной кампанией против милицейского произвола, – яркий пример именно такого подхода суда. Судье были предъявлены фотографии и видео событий, показания 15 человек говорили в пользу именно Остапова, но суд упорно считал правильным доверять

именно версии сотрудников милиции, одного из которых Остапов якобы избил. В итоге Всеволод тоже отделался условным приговором, который был воспринят участниками кампании в его защиту как признак деградации судебной системы, – слишком уж очевидной была невиновность Остапова.

Дело Речкалова не стало причиной многочисленных акций протеста, как в случае с Остаповым. Отчасти потому, что на тот момент уже стали понятны и подход судов к рассмотрению такого рода дел, и тщетность усилий взывать к справедливости.

Что же произошло 4 декабря 2009 года в Лосиноостровском районе Москвы? Компания подростков, сидевших в кафе недалеко от метро «Бабушкинская», узнала о том, что их знакомого «просто так» забрали в местное ОВД. Зная не слишком миролюбивый нрав нашей милиции, ребята и девушки решили навести справки о задержанном. В ОВД «Лосиноостровское» их не пропустили, но к ним вышел некий милиционер, пообещавший разобраться в ситуации. Молодые люди остались стоять за забором отдела и ждать освобождения товарища. Но через некоторое время из ворот вышли трое в штатском, которые были явно не в духе и потребовали немедленно покинуть территорию ОВД. При этом, по словам ребят, нецензурные выражения в их речи явно преобладали над цензурными. Попытки настоять на своем праве стоять за забором и ждать друга ни к чему не привели. Лица в штатском все больше распаялись. В итоге, когда в спины уже уходящим подросткам полетела очередная порция брани, кто-то из них не выдержал и ответил в том же духе. Это и стало последней каплей – вышедшие из отделения люди (как выяснилось впоследствии, один из них был заместителем начальника ОВД по тыловому снабжению), решили поставить «зарвавшихся подростков» на место.

Безусловно, наши граждане далеко не всегда ведут себя как ангелы. Далеко не всегда они безупречно вежливы, в том числе и с милицией. Не говоря уже о подростках, для которых получить оскорбление и не ответить, а следовательно, потерять уважение друзей – кажется смерти подобно. Сотрудники же милиции знают о своем невысоком социальном статусе и пытаются обесценить подчинение себе хотя бы воспитанием страха. Социализация в армии и милиции формирует убеждение, что младший (по возрасту, званию или положению в обществе) должен априори испытывать пиетет перед старшим и быть готовым выполнить его приказ. Именно этот принцип они переносят на все общество, считая себя вправе воспитывать подростков и молодых мужчин. В

том числе воспитывать дубинками, если слова и угрозы не помогают. Поэтому и страдают от милицейского насилия так часто именно молодые люди, которые, по мнению милиции, и жаловаться, скорее всего, не будут – дабы не унижаться снова и не прослыть «слабаком» в глазах сообщества.

По такому же сценарию развивались события и около ОВД «Лосиноостровское». Обидевшиеся на «малолетних наглецов» сотрудники милиции в штатском кинулись к подросткам, те бросились от них врассыпную. Двоих догнали почти сразу, «повоспитывали» кулаками на месте (одного еще и ударили по голове пистолетом) и поволокли в отдел. Остальные разбежались по соседним дворам – кто-то удрал совсем далеко, но трое остановились рядом, чтобы обсудить, что делать. И тут к ним, только что наблюдавшим избиение их друзей, снова побежал человек в штатском. Стоить заметить, что данного мужчины не было ранее с теми троими, которые выходили из ОВД. Было очевидно, что его намерения были явно агрессивными, поэтому ребята снова бросились бежать. Кому хочется быть избитым? А когда одного из них – Святослава Речкалова – этот мужчина догнал и повалил на землю, тот, в свою очередь, прыснул в сторону напавшего на него человека из газового баллончика, лежавшего в кармане. Это действие и было впоследствии квалифицировано следователем как «нападение на представителя власти».

Внимание: по словам ребят, трое людей в штатском, вышедшие из ОВД, за все время «взаимодействия» с ними так и не представились, не предъявили удостоверений и не высказали сколько-нибудь адекватных требований. Конечно, по некоторым признакам – появлению из здания ОВД, наличию оружия (которым они размахивали, а затем били по голове подростка) и «транспортировке» пойманных именно в отдел – подростки могли бы догадаться, что перед ними сотрудники милиции. Но в то же время подобные выводы трудно было сделать в отношении лица, которое догоняло Речкалова.

Но разве так должны себя вести представители органов правопорядка? Ведь не хамили же, не поливали из баллончика милиционера, который выслушал вопросы ребят и пообещал разобраться.

Сотрудники милиции, «наводившие порядок» около ОВД, пояснили на допросах, что причиной задержания молодых людей был шум около отдела, а также просьбы одного из подростков приехать к отделу своих друзей, услышанные в его разговоре по телефону. Бочков А.А. (помощник начальника ОВД по Лосиноостровскому району Москвы по тыловому обеспечению) заявил следователю, что он опасался, что здание ОВД будут

Останкинский суд

брать штурмом, поэтому отдал приказ о задержании ребят. Водитель, признанный потерпевшим, сообщил, что был в форменном обмундировании и, догоняя Речкалова, крикнул: «Стоять, милиция!». Именно эти утверждения сотрудников ОВД «Лосиноостровское» легли в основу обвинения Речкалова по статье «применение насилия в отношении представителя власти», которая предполагает до пяти лет лишения свободы. Получается, что в случае нападения сотрудника милиции на гражданина права на самооборону не существует: милиционер всегда прав и имеет право применять насилие. А в обоснованности этого насилия, как правило, никто не хочет разбираться.

Поскольку Речкалова не только «обезвредили» на месте несколькими приемами рукопашного боя и остатками газа из баллончика, но и продолжали «воспитывать» в ОВД, 19-летний студент получил ожог роговицы глаз, сотрясение мозга и впоследствии попал на неделю в больницу. Не загреметь в СИЗО на период следствия ему удалось благодаря своевременной помощи друзей, нашедших адвоката. На действия сотрудников милиции была написана жалоба в прокуратуру, но в возбуждении дела, как это у нас обычно и бывает, было отказано.

Подростки могли бы догадаться, что перед ними сотрудники милиции. Но в то же время подобные выводы трудно было сделать в отношении лица, которое догоняло Речкалова.

Отказ был обжалован в Останкинском районном суде, затем в вышестоящей инстанции, которая решение районного суда отменила. Но Останкинский суд снова решил, что оснований для возбуждения дела нет, и обжалование пошло по второму кругу. Таких «кругов» (когда в кассации решение отменяется, прокуратура снова и снова отказывается в возбуждении дела, а районный суд подтверждает ее решение) бывает в практике по делам о милицейском произволе от двух до двадцати и более. И мало у кого из пострадавших от рук сотрудников милиции хватает сил самому пройти

Помощник начальника ОВД по Лосиноостровскому району Москвы по тыловому обеспечению заявил следователю, что он опасался, что здание ОВД будут брать штурмом, поэтому отдал приказ о задержании ребят.

Начальники ОВД «Лосиноостровское», в котором избивали Речкалова, и ОВД «Сокольники», где пострадал Всеволод Остапов, не понесли никакого наказания, милиционеры работают на своих местах – их вина не доказана.

эти круги бюрократического ада, чтобы добиться-таки возбуждения уголовного дела и реального расследования. Обычно справиться с этим могут только правозащитники. Делом Святослава Речкалова уже почти год занимается Фонд «Общественный вердикт», и адвокат Тумас Мисакян сейчас в очередной раз обжало-

вал в Мосгорсуде отказ в возбуждении уголовного дела.

Несмотря на многочисленные громкие дела и дискуссию вокруг реформы милиции, пытки с целью получить признательные показания, вымогательства, «воспитательные» побои и просто немотивированное насилие пока сохра-

няются в милиции. Крышевание преступлений своих сотрудников – один из бонусов, которые получают милиционеры от своего ведомства за нелегкий и малооплачиваемый труд. Начальники ОВД «Лосиноостровское», в котором избивали Речкалова, и ОВД «Сокольники», где пострадал Всеволод Остапов, не понесли никакого наказания, милиционеры работают на своих местах – их вина не доказана. «Всех так можно уволить, а кто работать будет?» – мотивирует свою лояльность милицмейское руководство. И пока такое отношение является составной частью системы, практически нет шансов, что ситуация с насилием в милиции улучшится.

www.publicverdict.org

Наши партнеры:

Коми республиканская правозащитная комиссия «Мемориал»

Республика Коми
167000, г.Сыктывкар,
ул. Колхозная 3 "А", офис 212.
Тел.(8212)566302
e-mail: kpkmemorial@pochta.ru
<http://www.memorial-komi.org/>

Красноярский общественный комитет по защите прав человека

660075, г. Красноярск,
ул. Маерчака, д. 6 к. 319.
Тел.(3912)2105 85
e-mail: anazarov61@mail.ru

Межрегиональная общественная организация «Комитет против пыток»

603 000, г. Нижний Новгород,
улица Грузинская, дом 7 «Б»
Тел.(831)433-14-04
e-mail: komitet@pytkam.net
www.pytkam.net

Новороссийский комитет по правам человека

353991, г. Новороссийск,
п. Гайдук, ул. Ясельная, д.4, кв. 41
Тел./факс (8617) 268-245,
e-mail: aprutina67@yahoo.com
<http://www.hro.org/ngo/nov/index>

Организация «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных»

350051, г. Краснодар,
ул. Офицерская, 35, к. 9
Тел/факс: (861)225-20-12
e-mail: rudakova2002@mail.ru
www.kuban-justice.ru

Правозащитная организация «Комитет 29»

6662017 Абакан,
ул. Вяткина, 39 офис 109.
Тел. 8 (3902) 22-27-50
e-mail: irinagirsh@yandex.ru
www.fdr.ru

Региональная общественная организация «Человек и Закон»

424003 Республика Марий Эл
г. Йошкар-Ола ул. Зарубина, д. 25
Тел/факс 8(8362) 720628,
<http://manandlaw.info/>

Рязанское Общество «Мемориал»

390044, г. Рязань,
ул. Ветеринарная, д. 17
Тел.(4912)30-08-50
e-mail: andy@hro.org
<http://hro.org/ngo/memorial>

Хабаровский правозащитный центр

680038, г. Хабаровск,
ул. Серышева, д.34, оф.8.
Тел.(4212) 57-69-42
e-mail: anohkpc@mail.ru
<http://www.khabksm.do.am>

Центр гражданского образования и прав человека

614070, г. Пермь,
ул.Техническая, 3, офис 13
тел./факс: (342) 2195589
e-mail: civedu@perm.raid.ru
<http://www.cgo.perm.ru>

Центр помощи пострадавшим от насилия и торговли людьми

614000 г. Пермь
Главпочтамт, а/я 7015.
e-mail: no-violence@narod.ru
<http://www.cavt.ru/>

Южно-Сибирский правозащитный центр

654000 Новокузнецк,
Кирова 7-144, а/я 7121
Тел. (3843)330023
Факс(3843)744-112
manandlaw@mail.ru
www.sibpravo.org

Наши учредители:

- Международный фонд «Демократия»
(Фонд Александра Н. Яковлева);
- Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»;
- Московская Хельсинкская группа;
- МОО «Открытая Россия»;
- Фонд «Регионы России».

Фонд «Общественный вердикт»

Россия, Москва, 109028
Хохловский пер. 16/1
Тел/факс: +7 (495) 916-1199
www.publicverdict.org,
info@publicverdict.org

Что такое «Общественный вердикт»?

Фонд «Общественный вердикт» создан в феврале 2004 года и действует как неполитическая некоммерческая организация, оказывающая правовую помощь по защите прав человека гражданам, пострадавшим от неправомερных действий российских правоохранительных органов.

Среди учредителей фонда – известные российские правозащитные и благотворительные организации – Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»; Московская Хельсинкская группа; МОО «Открытая Россия»; Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева); Фонд «Регионы России».

Целью фонда является формирование в стране атмосферы нетерпимости к практике нарушения прав человека правоохранительными органами. Фонд добивается создания гражданского контроля за их деятельностью.

Фонд оперативно информирует общественность обо всех установленных фактах нарушений прав человека.

Наталья Таубина, директор Фонда «Общественный вердикт»:

– Мы стремимся помочь людям защитить свои права, хотим, чтобы и граждане, и власть руководствовались нормами закона, а такое понятие, как «произвол» стало бы употребляться в качестве характеристики российской действительности как можно реже.

Как работает Фонд «Общественный вердикт»?

- Основным принципом работы Фонда «Общественный вердикт» является принцип открытости.
- Фонд «Общественный вердикт» оказывает правовую и информационную поддержку в деле восстановления прав граждан и организаций, нарушенных правоохранительными органами.
- Содействует правоохранительным органам в предупреждении и пресечении нарушений прав и свобод человека.
- Важным направлением деятельности Фонда является развитие и поддержка региональных партнерских правозащитных организаций.
- Фонд занимается просветительской и аналитической деятельностью, привлекает авторитетные социологические и исследовательские организации для проведения профильных исследований. Разрабатывает рекомендации по совершенствованию правоохранительной системы РФ, организует их обсуждение с участием представителей госорганов и общественных организаций. Проводит общественные и медийные кампании.
- Фонд способствует продвижению международных стандартов прав и свобод человека в Российской Федерации, а также содействует эффективному использованию на национальном уровне международных механизмов защиты прав и свобод человека.

На помощь со стороны Фонда могут рассчитывать граждане России, чьи права и свободы были незаконно нарушены правоохранительными органами.

